

Переговорный процесс

Максим Волосатый
Аватарка Дикобраза

«Автор»

2011

Волосатый М.

Аватарка Дикобраза / М. Волосатый — «Автор»,
2011 — (Переговорный процесс)

Тяжело терять друзей. Старых, проверенных друзей, которые не раз и не два спасали тебе жизнь. И кому, как не отставному наемнику Шойсу Декстеру, знать, каково это - прощаться с ними. Но иногда мир переворачивается, призраки прошлого оживают, и потерянные друзья возвращаются. Приходят, чтобы оживить давно ушедшие времена. Чтобы попросить о помощи. Помощи, которая стоит дорого. Очень дорого. И перед Декстером встает задача: определить, кто его друзья на самом деле...

Содержание

Нормы безопасности	5
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Максим Волосатый

Аватарка из Созвездия Дикобраза

*...ибо люди всегда станут поступать дурно,
если необходимость не принудит их к добру.*

Николо Макиавелли

Нормы безопасности

– Таким образом, все объекты, находящиеся на Блазаре, деактивированы, законсервированы и помещены в зоны Исключения. Фильтрационные пояса вокруг них.... Что тебе, Геннадий? – ослепительно седой старик неодобрительно воззрился с высоты все еще немало, пусть и согбенного годами роста на вскочившего со своего места лохматого веснушчатого мальчишку. Почти прозрачные зеленоватые глаза, смотрящие из-под нависших белых бровей, пробежались по вытянувшейся в струнку невысокой фигурке мальчишки. Тот, как будто только осознав, что именно он сотворил, замер под этим взглядом, всем видом показывая, что он... что? Да, так... ничего.

– Ты хотел что-то сказать? – нахмурился старик.

Нахмуривание, естественно, бодрости Гене не добавило. Мальчишка вымученно улыbnулся, показав две дырки на месте выпавших зубов, и широко распахнул серые глаза, которые ну никак не хотели стоять на одном месте.

– Ты будешь вопрос задавать, или ты просто так, постоять решил на уроке? – судя по голосу, терпением старик не отличался. А, судя по затравленному взгляду лохматого Гены, он это прекрасно знал. Мечущиеся в поисках подсказки глаза, наконец, поняли, что спасение не придет, и решили выдать зачинщика. Замерев на секунду, он метнулся вправо и вниз, а потом вернулись обратно к старику. Улыбка мальчишки стала отчаянной.

Старик проследил взглядом намек, который из всех сил старался не показать замерший Гена, и столкнулся с еще одной парой глаз. Смотрящих еще более невинно.

– ... почему на бутах еще иногда голоса слышны...? – наспех причесанная девчонка с двумя задорными соломенными косичками, торчащими в разные стороны, углом рта шептала подсказку. И тут взгляд старика упал на нее. – Ой.

– Вот именно, что «ой», – сурово насупил седые брови старик. – Так это вы, девушка, хотели что-то узнать?

Девчушка хлопнула светло-голубыми глазами, но, в отличие от вихрастого Гены, почему-то не смутилась ничуть.

– Дедуш..., – она осеклась под взглядом старика. – Игнат Платонович, а почему тогда на бутах иногда голоса слышны, если они мертвые?

– Не на бутах, а на ботах, – поправил ее старик. – И они не мертвые, а просто выключенные. Но так выключенные, чтобы никто и близко не смог ничего с ними сделать.

Он попытался придать своему лицу строгое выражение, но получилось не очень. Задорная улыбка девчонки как будто стирала с него напускную суровость. Класс это почувствовал.

– Так, а почему их не разломать тогда? – браво махнул рукой на глазах обретающий бодрость Гена. – Р-раз, и все, никаких зон. Никаких проблем. Вот вырасту и все эти железяки ка-а-ак, сломаю.

– Сиди, ломальщик, – Игнат Платонович развернулся в сторону раздухарившегося мальчишки. – Не ты их сюда доставил, не тебе и ломать.

– А я, зато, их охранять буду, – Гена не очень логично, зато победно оглядел класс, глядящий на него с откровенной завистью. Все знали, что Генкин отец служил в бригаде Организации Объединенных Миров, патрулирующей периметры зон Исключения. – Как мой папа. Когда вырасту.

Класс благоговейно притих. Служить в бригаде ООМ и пусть изредка, пусть издалека, но видеть загадочные жутковатые *аны*, спящие вечным сном в зонах, намертво огороженных космоштурмовскими оборонительными барьерами, – это была заветная мечта почти всех мальчишек Блазара. А у Генки (это все знали) точно был шанс стать одним из ООМовцев: его отец был там бо-ольшой шишкой, целый начальник передвижной патрульной группы, во как. Поэтому во всем, что касалось зон, Генка был авторитетом непререкаемым. Правда, не для всех....

– Это когда вырастешь, – пренебрежительно качнулись рядом с ним две задорные косички. – А меня папа обещал завтра с собой на им... им... имспецию взять с собой и Сашкой. И даже показать нам анов. И не издалека.

Томно прищуриив глаза, она посмотрела за захваставшегося Генку и чуть высунула язык, более чем доходчиво выказывая свое отношение к происходящему. Убедилась в убийственности аргумента и гордо отвернулась. Класс парализовало. Проникновение в зоны Исключения было немыслимо. Никто и никогда не мог.... Или все-таки мог? Ведь у Соньки-то папа не рядовой все-таки. Контролер-инспектор Организации Объединенных Миров, назначенный сюда с самой Земли.... Неужели? В глазах класса за девчачьими плечами начали разворачиваться огромные белоснежные крылья. Того и гляди вознесется....

Но тут генко-сонькиному состязанию в крутизне пришел скорый и беспощадный конец.

– На инспекцию?! – и без того нахмуренные густые брови старика-учителя сошлись вместе, образовав одну седую полосу, из-под которой недобро сверкнули разъяренные глаза. – Тебя?! Вот я с Тимофеем поговорю. Сколько раз ему было сказано....

– Дедушка! – отчаянно возопила Сонька, осознав, что сболтнула лишнее.

– Не дедушка, а Игнат Платонович, – старик вытянул костлявый палец. – И сядь на место, Софья. Разговор закончен. Зоны Исключения – не игрушки. И это не счастье нам выпало на Блазаре, рядом с диковинками жить, а поставлены мы сюда, чтобы вся галактика могла спать спокойно и знать, что ни один ан больше отсюда в космос никогда не поднимется. Все ясно?

Он обвел взглядом притихший класс.

– Аны – это смерть, – лицо старика окаменело, пошло буграми мышц, превратилось в каменную маску. – И никому и никогда об этом забывать нельзя. А нам – тем более.

Тишина, воцарившаяся в классе, стала невыносимой.

– Кхм, – донеслось вдруг от двери.

Все ученики, как один, повернулись в сторону входной двери, где стоял приземистый, плотный мужчина в форме космоштурма ООМ.

– Вы бы, Игнат Платонович, не пугали бы их так, – улыбнулся мужчина, и подмигнул смотрящим на него ребятам. – А то они по ночам плохо спать будут.

Он хотел добавить еще что-то легкое, успокаивающее, но старик тона не принял.

– Если хоть кто-то, хоть когда-то нарушит правила, принятые для зон, – Игнат Платонович перевел тяжелый взгляд на мужчину, – и аны активизируются, то на этой планете уже никто спать не будет. И не мне это тебе, Тимофей, объяснять.

И, не давая мужчине ответить, посмотрел на часы.

– Все, дети, урок окончен. Завтра я жду выученный параграф об информационной безопасности. Особо буду спрашивать о том, почему нельзя использовать передающую и усиливающую аппаратуру вблизи периметров. Все ясно?

Нестройный хор детских голосов согласно загудел, и мальчишки первыми сорвались со своих мест, чтобы поскорее сбежать от занудного Игната Платоновича, который кроме своей

техники безопасности ничего и знать не хочет. Подумаешь, запреты. Да они уже по сто раз в периметры фильтрационных поясов совались. И ничего....

– А с тобой, сын, – старик остановил выходящего последним и пропускающего вперед дочку Тимофея, – я хотел поговорить отдельно. Задержись.

Мужчина остановился, вздохнул, и выразительно посмотрел на Соньку, стоящую в коридоре. Та в ответ только забавно тряхнула косичками, пожала плечами и обезоруживающе улыбнулась. Мол, прости, пап, так получилось.

* * *

Сухая ветка, невесть откуда взявшаяся посреди вылизанной полосы отчуждения, предваряющей фильтрационный пояс, хрустнула под ногой Генки. В неподвижной тишине звук получился оглушительным.

– Тихо ты, – развернулись к нему сразу все шестеро больших пацанов. Генка съехал под их взглядами.

Давным-давно заросшая тропинка петляла между невысоких, поросших густой травой холмиков. Семь мальчишеских фигур были тут как на ладони, вздумай хоть кто-нибудь просто посмотреть в их сторону. Но в том-то и дело, что в ближайшие полчаса передвижные патрули ООМ здесь не появятся, а все датчики активности начинались только в широком фильтрационном поясе, да и направлены они были в сторону зоны Исключения, чутко ловя каждое нестандартное движение, которое могло быть расценено как активация анов. Поддай они сигнал, и периметр тут же будет накрыт прицелами орбитальных крейсеров, а к месту пробуждения одних их самых опасных явлений галактики уже будут мчаться поднятые по тревоге части Бригады Исключения ООМ, готовые к любому развитию событий.

Отец не так давно показывал Генке короткий фильм, распространяемый только для служебного пользования, о том, как два преступника-контрабандиста, сбежавших из-под следствия, угнали полицейский бот и не придумали ничего лучше, как спрятаться в фильтрационном поясе.

Первыми на них среагировали внешние датчики пояса. Самые последние.... Естественно, посмеивался отец: это со стороны городов край фильтрационного пояса – внешний. А для обеспечения безопасности его датчики – последние. Самые критичные. Говорящие о том, что какой-то объект почти выбрался из ЗИ. «Какой-то».... Из зоны Исключения!

Тогда Генка в первый раз услышал, что время развертывания бригады ООМ – всего пять минут. Всей бригады. А мобильные пространственные группы, висящие на низких опорных орбитах, рушатся вниз на предельных скоростях за минуту, уже на снижении готовясь открыть огонь по заранее вбитым в автоматы координатам.

Короче, этим дуракам-контрабандистам предупреждения не хватило. И информации – тоже (не местные были). Вместо того чтобы замереть на краю пояса, заглушить намертво двигатели, задрать вверх все конечности и молиться, чтобы за ними приехали как можно быстрее, эти двое ненормальных решили, что зоны Исключения отличное место для таких как они.... И через несколько секунд полета их бота, автоматика подала сигнал, что в зону Исключения входит источник нескольких видов излучения. Уже достаточный для того, чтобы в течение минуты поддерживать жизнедеятельность как минимум одного из анов низшего рода. Несколько десятков минут до дистанционного энергетического контакта....

Генка такое видел только в постановках витранса. Никто даже думать не стал. Небо озагрилось вторым закатом, и сверху упали столбы света. Они мгновенно нарыли летящую точку бота..., и когда вновь стало хоть что-то видно, бота больше не было. Ничего не было. Только пятно выжженной травы посреди фильтрационного пояса – и все.

Вот за этот-то рассказ Генку и взяли в компанию больших пацанов. Ну, еще и для того, чтобы если их поймают, он орал громче всех: глядишь, и опознают как одного из детей сотрудников. Глядишь, не всю шкуру снимут. И не сразу....

– Тихо ты, – зашипели на него шесть голосов. – Мелочь пузатая.

– Я не мелочь, – попытался оскорбиться Генка, но ему тут же продемонстрировали несколько кулаков, и он заткнулся.

– Тихо всем, – не оборачиваясь, бросил через плечо идущий первым худенький парнишка. В шестерке он выглядел самым слабым, но, как ни странно, все тут же замолчали и посмотрели на него. Бывают такие: ни мышц, ни кулаков, но почему-то отпетые хулиганы, наводящие ужас на всю округу, по одному его слову готовы броситься в бой, принимая удар на себя. Или наоборот: притихнуть, сесть в уголок и не отвечать.

– Почти пришли, – парнишка остановился, огляделся по сторонам, вытягивая цыплячью шею, и показал вокруг себя. – Встали дозором, как договаривались.

Млея от собственной значимости, мальчишки с деловым видом рассыпались вокруг, стараясь занять позиции повыше, чтобы было лучше видно. Каждого внутри щекотал холодок приключения. Еще бы, залезть почти в фильтрационный пояс. Туда, куда всем им (да и не только им) вход был запрещен категорически.

Худенький предводитель тем временем вытащил из заплечного рюкзака три тонких пластины уникомпов, стержни разборного каркаса и клубок проводов. Распутал его и принялся собирать рабочую станцию, один за другим вставляя тонкие лезвия процессоров в собранный переносной каркас. Рядом с ним остались только двое: самый высокий из пришедших пацанов, и самый маленький – Генка.

– Слышь, Сашка, – почтительно наклонился к поглощенному своей работой предводителю высокий. – А вот я всегда хотел спросить: а чего ты всегда с проводами-то возишься? С коммуникатором не проще? Неудобно же.

– Неудобно штаны через голову одевать, – важно отозвался тот, не прекращая работы. Вот он воткнул последний провод и запустил все три уникомпа. – А без проводов нам никак. По лучу информация, считай, общая, кто захочет, тот и возьмет, лишь бы интенсивности сигнала хватило. Пароль для специалистов не преграда. А провода, они экранированные, так что получается замкнутый контур. Никто не поймает. Настоящие прогеры никогда по лучу не работают. Да и не проходит в поясе сигнал, по всему периметру глушилки стоят. Все, Тит, не мешай.

Высокий Тит распрямился и значимо поглядел на ровным счетом ничего не понявшего Генку. И тут же наклонился снова.

– Слышь, Сашок. А если у нас получится, ну, ана этого захомутать? Он, это, с нами пойдет? Или можно его будет здесь оставить?

Вот после этого вопроса щуплый Сашка прервал свое занятие и поднял взгляд на Тита. Он еще ничего не сказал, но тот подался назад, смущенно разводя руками.

– А я что, я ничего....

– Тит, – нахмурился Сашка. – Если какой-нибудь ан хотя бы шевельнется, здесь будет все оомовцы толпой. И мы точно разборками с родителями не отделаемся. Я хочу только посмотреть, а есть ли там вообще хоть кто-нибудь. Ведь не может же столько народу охранять просто дохлые железяки. Чего они так боятся?

Он хотел добавить что-то еще, но не стал, а отвернулся и опять уткнулся в свои уникомпы. Вот они засветились мягким светом, но вместо привычных всей галактике операционных окошек по экранам побежали столбцы цифр. Пальцы Сашки запорхали по клавишам.

– Тит, – осторожно позвал Генка. Он ожидал презрительного «чего тебе?», но тот, как ни странно, отозвался вполне дружелюбно.

– Чего хотел, Генка?

– Я спросить хотел, – Генка понизил голос. – А откуда Сашка все это знает? Ну, как с уникомпами работать?

К его удивлению, Тит снизошел до ответа.

– У него батя тут в информационном обеспечении работает, – пояснил вполголоса он. – Матери нет, умерла давно, а чтобы Сашка без дела не болтался, батя его к уникомпам приучил с малства. Так что Сашка про них все знает. Он тебе любую постановку витранса и любую игру найдет или сам придумает. Он даже, – Тит убедился, что Сашка его не слышит, – может деньги забирать с чужих счетов.

– Да? – поразился Генка.

– Да, – подтвердил Тит. – Только он этого не делает. Говорит, неинтересно. Да и опасно. Тут Сашка распрямился и разговор закончился.

– Все, – Сашка победно посмотрел по сторонам. – Не врал. Смотрите, чего нашел. А здесь, оказывается, сетка по лучу все-таки есть. Только это не местная. Это с вонне планеты информационный шум приходит. Волны-то все равно идут по галактике....

Генка присмотрелся, но ничего не понял. По экрану центрального уникмпа непрерывным потоком лились бесконечные столбцы цифр.

– И чево это? – моргнул он.

– Чево-о-о это? – передразнил его Сашка. – Это дух ана, он самый. То, чего искали. Я его вижу. Теперь его взять надо.

– А ты сможешь? – спросил Тит, точно так же, как и Генка ничегошеньки не понимающий в мельтешении одинаковых столбцов.

– Пробовать надо, – Сашка опять нырнул в свои уникмпы. – Только железо у меня слабое. Оомовцы с собой для таких случаев спецсерваки носят, папа, рассказывал, и деглушилки с автономным питанием. А у меня что, – только крики из галанета. Ну, ничего, попробуем. Что это?

Он вдруг замер на мгновение, а потом начал быстро-быстро стучать по клавиатуре.

– Нет, только не это, как это так?

– Что, Сашка? – подался вперед Тит.

– Ничего не понимаю, – Сашка нахмурился, его речь стала отрывистой, пальцы запорхали по клавишам. – Система показывает, что на комп атака была. ... Тут? ... Откуда? Кто? ...

Быстрый перестук клавиш.

– ... А потом все кончилось. Но так не бывает. Запись-то учетная....

– Это не опасно?

– Не знаю, – задумчиво пробормотал Сашка, не отрываясь от экрана. – Только я почему-то вообще не вижу путь входа и выхода. И антивирус не видит. Ничего как будто и не было. И система как будто забывает.... Да где он? И почему пропала сетка по лучу? Куда она делась?

Он с новой силой застучал по клавишам.

Притаившиеся на холмах «дозорные», заметив их разговор, начали по одному спускаться и заглядывать через плечо уже ничего не видящему Сашке. Вскоре все шестеро сгруппировались за его спиной, тщетно пытаясь понять смысл его действий. Так продолжалось почти полчаса. До момента появления мобильного патруля. Ну и, естественно, никто его и не заметил....

Глава 1

За широким панорамным окном кружили вечный хоровод сверкающие созвездия. Жилой астероид мчал по своему веками заведенному кругу, обходя мерцающую планету. Внизу, на поверхности, расположенной под сектором «Север», наступала ночь. #Обыкновенная ночь Изюбра, головной планеты восьмого русского про-слоя рукава Ориона.

Степан Донкат, бывший торговый представитель пан-галактической корпорации «ВМН», бывший (правда, некоторые несознательные все еще считают, что действующий) почти космоштурм, самый настоящий совладелец орбитального бара, заканчивающий сольную карьеру холостяк и просто хороший парень, небрежно развалился в удобном гостевом кресле, наблюдая за ворочающимся неподалеку бесформенным силуэтом.

Силуэт качался в разные стороны, хрипел, рычал и, судя по звукам, даже плевался чем-то. Со стороны выглядело угрожающе, но Степа оставался спокоен: огромный силуэт принадлежал не неизвестному чудовищу, а вполне конкретному человеку, партнеру по бизнесу, Шойсу Декстеру. Тоже кадру с интересной судьбой, правда, несколько более насыщенной, нежели у Донката. Видимо, в силу возраста. Наемник космической пехоты, отчаянный яхт-ботер, тоже «бывший» (на пару со Степой) космоштурм, Декстер осел на Изюбре, открыв бар в окраинном русском про-слое рукава, после того, как в том числе и их со Степой стараниями русский про-слой Изюбра, ведущий к центру галактической спирали, перестал быть окраинным, отдав «титул» новому миру. Прежней метрополии Шойса, Англо-Саксонскому Союзу, по вкусу это не пришлось, и галактический бродяга, равно принадлежащий всем нанимателям, осел в РФМ, Российской Федерации Миров. Благо тут друзья, денег заработал, да и просто жить хорошо. Хотя сейчас, глядя на его «страдания» со стороны, поверить в это было трудно. Но Донкат не волновался. Он Декстера в таком состоянии наблюдал уже давно и сейчас, как раз вполне серьезно рассчитывал, что сакс закончит свои «упражнения». Были, знаете ли, предпосылки....

Он не ошибся. Силуэт вдруг издал радостный рев, воздел руки, и со всей силы влупил ими по столешнице перед собой. Та в ответ только жалобно хрустнула. Степа сел попрямее. Ну, наконец-то. Силуэт перед ним снял «голову», оказавшуюся шлемом скафандра, и повернулся.

– А привет, ты уже здесь? – прохрипел Декстер, возясь с какими-то контактами на горле.

– Уже минут сорок, как здесь, – сообщил Степа. – Как игралось?

– Обидно, – сакс протянул руку назад, выпустив из игрового пистолета громкую очередь в экран, и откинулся на стуле. – Всего месяц, и все. Кончилось. Последний уровень. Так не честно.

Степа только ухмыльнулся в ответ, глядя на раздосадованного здоровяка. Сам он задыхался, но на фоне огромного (не толстого, но здорового) сакса все же несколько терялся.

– Ну, кому нечестно, а кому и манна небесная, ты достал уже со своей игрушкой.

И вправду, видеть бывшего наемника космической пехоты одного из самых мощных государств обитаемой части галактики, полностью поглощенным обыкновенной униконпсовской игрушкой (пусть и продвинутой, но все же игрушкой) было странно и непривычно.

Полтора месяца назад Декстер совершенно случайно вживую соприкоснулся на какой-то выставке с индустрией виртуальных развлечений и ... пропал. Широко разрекламированная по всей галактике игрушка-стрелялка «Реванш Несдающихся 4» проглотила его целиком.

Шойс тут же накупил себе всех самых последних обвесов в виде игрового скафандра, мышечных стимуляторов и тому подобной трешки, и с тех пор его мало кто видел в мире трезво мыслящих существ.

Дальше – больше. Пришествие Декстера в мир виртуала одной игрушкой не ограничилось. За две недели разорвав в клочья всех имперских завоевателей в «Реванше», Шойс тут же подсел на одну из самых неоднозначных игр галактики – «Парад монстров». Действие в составе группы и в одиночку, разделенные пространства и четырехмерная графика, наращивание виртуальных конечностей и реальные ощущения от полученных ран. Горечь потерь и восторг победы.

Что еще надо отставному космическому пехотинцу? Месяц войны, и – пожалуйста: счастье есть. Победа. Вот только Степа даже вздохнуть не успел, как....

– Слушай, – Декстер крутанулся на игровом кресле. – А бывает же, наверное, что в играх не только с автоматом рубишься, а?

Он с надеждой посмотрел на Степу и у того по спине вдруг пробежал холодок.

– Представляешь, вот было бы здорово, если бы в игре можно было воевать против таких же людей. Ведь должен же был кто-то до такого додуматься и сделать такую штуку. Красота....

– Шойс, – откашлялся Степа, стараясь, чтобы голос не дрожал и звучал как можно безразличнее. – Давным-давно были такие игры, но от них быстро отказались. Неинтересно. Ну, сам посуди, кто захочет делить свой игровой мир с кем-то еще?

– Ну, не знаю, – протянул Декстер. – Я бы, может, и попробовал. А что, может и прокачать, кстати....

– Шойс, – голос Донката зазвенел. – Нам с тобой еще второй бар открывать. Вы с Элечкой детей хотите, Соловей приехать должен скоро. Дел куча.... Шойс, поверь мне, нет таких игр. Нет, и не будет никогда. Запомни.

– Да? – с сомнением посмотрел на него сакс. – Ну, ладно. Хотя, я проверю....

– Элечка знает, что ты всех победил? – напомнил Степа.

– Точно, – воодушевился Декстер, послушно клюнув на привычный крючок. – Надо ей сказать. Порадуется.

– Угу, – поджал губы Донкат. – Если не выгонит тебя окончательно.

– Не, – расплылся в улыбке сакс. – Не выгонит. Она меня любит.

– Любила, – поправил его Степа. – Месяц назад. Когда ты пообещал «еще чуть-чуть, и все».

– Ты думаешь? – нахмурился Декстер.

– Еще как, – закивал Степа. – Ты завязывай с игрушками. Лучше проверь, что у тебя в «Вакууме».

– Точно, – Шойс, как большой медведь начал выбираться из игрового кресла. – Надо посмотреть наших.

Галактическая социальная сеть «Вакуум» была еще одной «игрушкой», на которую Шойс Декстер запал всеми силами своей увлекающейся души. Вообще-то капитан-командер наемников «Лунной Дороги», самого известного диверсионного подразделения Сакс-Союза, особой впечатлительностью не страдал, не по должности. Но иногда жесткая броня прожженного вояки давала трещины, из которых проглядывал неумный мальчишка, донельзя странно смотрящийся на обветренном монголоидном лице Декстера, обильно украшенном разного рода пирсингом. Собственно, таких трещин Степа мог назвать всего три: общественное признание, боты и женщины. Вернее, Женщина. Элечка, Эльвира Семеновна Ассендорф, чопорная красавица, знакомая Степе еще по прежней работе в «ВМН». И вот ради этих трещин, особенно последней, Шойс был готов на многое, если не на все.

Но в последнее время к немногочисленным слабостям Шойса добавилась еще одна: мир виртуала. И если с игрушками был шанс, что Декстер наестся, то виртуально-социальная зараза под названием «Вакуум», похоже, имела все шансы надолго остаться в числе приоритетов сакса. Степа, который, собственно, и пытался представить «Вакуум» как альтернативу уни-

компютерным играм, слишком поздно понял, какую засаду он себе готовит, но поделаться уже ничего не мог. Шойс схватился за новую идею и тут же развил более чем бурную деятельность. Тщетно Донкат предупреждал его, что по всем психологическим выкладкам современный человек может поддерживать активный постоянный контакт не более чем с двумя сотнями индивидуумов. Шойс Декстер оказался уникалом. В течение первых же двух недель он набрал себе в ближний круг пятьсот человек, останавливаться не собирался, и еще жаловался, что не всех своих старых корешей нашел....

Что интересно, он умудрялся со всеми полноценно общаться. Помимо этого находя время для «Парада Монстров», управления баром и Элечки (хотя тут Степа, понятно, свечку не держал). Почта Декстеровского униконпа уже разрывалась от количества валящихся почти каждую минуту сообщений, и Степа, который этой заразой переболел еще в юношестве, только снисходительно хмыкал, глядя, как Декстер пытается запихнуть в гала-трафик полный видеоролик со Дня Планеты, где Шойс на своем боте участвовал в торжественном параде. Но все же «Вакуум» забирал гораздо меньше времени, чем игры, поэтому Донкат пока с ним мирился. Тем более что иногда Шойс вытаскивал оттуда достаточно интересные идеи, приходящиеся в бизнесе.

– Ха, злодеи, – оживился сакс, запустив программу и оценив количество пришедших писем. – Помнят еще Шойса Декстера.

– Тебя забудешь, – вздохнул Степа в широченную спину сакса, закрывающую собой экран на стене. Сам здоровенный, Декстер и вещи любил внушительные. Если кресло – так чтобы заряд из плазменника выдерживало. Если бот – так для поверхностного десантирования в составе штурм-группы. Вот и сигнал униконпа Шойс предпочел не пускать на стеновое покрытие, как это было принято в домах, подобных этому, а выводить на огромный экран. Само полотно экрана, вмонтированное в стену, размерами больше напоминало еще одно панорамное окно дома на астероиде с той разницей, что показывало оно не только звезды.

Декстер, уткнувшийся в экран, забурчал что-то нечленораздельное, наговаривая ответные сообщения, а Степа откинулся на спинку кресла и потянулся за бутылкой своего любимого пива «Цефей VV». Полчаса у него было точно. Вот уж верно, пошли космоштурма за бутылкой – никогда одну не принесет.

Пить одному было скучно, и Степа решил развлечься:

– Шойс, – Донкат вывернул голову назад. – А почему ты себе экран поставил? По стене не лучше бы было пустить изображение?

Покрытие стен позволяло любому выведенному сигналу, хоть с униконпа хоть с витранса, хоть с ком-центра, перемещаться вместе с хозяином по дому. Удобно. И эффект живого общения создается. Сам Степа, например, только так и разговаривал по гала-связи.

– А? – Декстер на секунду замер, выходя из своего «вакуумного» транса. – А, не, не буду. Я сначала так и сделал. Вроде, ничего получилось. До тех пор, пока я как-то раз под пивом не заснул и забыл выключить витранс. А по нему как раз шли «Звери Балджа». Помнишь их?

– Ага, – не так давно гремевший по галактике боевик-ужастик забыть было трудно. Снятый необычно, как будто глазами главного героя, он поражал количеством эффектов присутствия зрителя на экране. – Это там, где весь фильм как будто ты бегаешь от монстров, а они за тобой? И когда каждую секунду за твоей спиной кто-то дышит?

– Угу, – кивнул сакс. – Так вот, проснулся, соображаю плохо, а на меня из темноты, ночь ведь уже, кто-то лезет и зубами щелкает. Представляешь, да?

– Угу, – фыркнул Донкат, как будто воочию увидев эту картину. – Дом-то не разгерметизировал?

– Нет, к счастью, – свернул белозубой улыбкой Декстер. – Но очень хотелось, поверь. Я по бедру за плазменником – хлоп, а там ничего. А эта зверюга-то все ближе и ближе. Я по другому бедру, за импульсником – хлоп. Спросонья, да с пива ничего не соображаю. А слева

тоже ничего. Нет импульсника. Что делать? Морда-то уже, вот она, рядом. Я от нее, она – за мной. Я бегом. А система-то настроена на сопровождение по дому....

Степа расхохотался, расплескав свое пиво. Декстер поддержал его мощным коротким рыком.

– Короче, не поверишь, минут пять я по дому бегал, – отсмеявшись, закончил он, – пытался спрятаться, и искал, куда я убээс с оружием дел. Не нашел, кстати. Так что с тех пор, я больше по стенам ничего не пускаю. А то вдруг еще чего-нибудь привидится....

– Ладно, охотник, – Донкат оттер пиво со штанов. – Ты когда закончишь со своим «Вакуумом» возиться? Сил уже нет тебя ждать. Это ведь зараза натуральная, она у тебя жизнь отбирает, неужели не понимаешь?

– А вот не скажи, – поднял толстый палец Декстер. – Там тоже жизнь. И еще какая. Ты знаешь, сколько я народа потерянного нашел? Там столько наших....

Сакс оживился, а Степа, наоборот, взгрустнул. Декстер и так был не дурак поведать о свершениях во времена давно минувшие, ну, когда и звезды были ярче, и штурм-крейсеры мощнее. А после обретения боевых товарищей, его и вовсе было не остановить.

– Шойс, без меня, – Донкат остановил разогнавшегося сакса движением руки. Он уже пожалел, что отвлек Декстера от виртуального общения с однополчанами. – Давай ты все закончишь, а потом мы все обсудим. А то, если помнишь, у нас сегодня еще дела есть.

– Ага, – на удивление, Декстер сегодня не стал грузить его никакими воспоминаниями, а покладисто повернулся и опять забубнил что-то в экран.

Правда, надо отдать ему должное, в этот раз он управился быстрее обычного. Степа только и успел допить бутылку, как Шойс удовлетворенно крикнул и хлопнул рукой по экрану униконпа, заканчивая сеанс.

– Все, закончил, – он повернулся к Донкату. – Теперь я тебя слушаю. Считаю, что я одно большое ухо.

– Слушай ты, большое ухо, – после пива захотелось покурить, и Степа полез за сигаретой. – Это я тебя должен слушать, а не ты меня. Помнишь, что у нас сегодня?

– А? – умно переспросил Декстер, по лицу которого было отчетливо понятно, что если он что-то и помнит, то никак не про сегодняшний вечер.

– Только не говори мне, что ты пригласил толпу народа в бар просто так, полюбоваться Изюбром, – закатил глаза Степа. – Генеральная репетиция сегодня, не помнишь?

– О! – взгляд Шойса приобрел осмысленное выражение, которое на глазах становилось отчаянным. – А сколько времени?

Он завертел головой в поисках часов. Как назло, ничего не попадалось.

– Не переживай, – махнул рукой Степа. – Я тут для чего, по-твоему? Стал бы я с тобой болтать попусту, если бы у нас времени не было. Минут сорок до старта у нас еще есть.

Он поставил на стол, массивный и огромный, как и все в доме Декстера, пустую бутылку и добавил.

– Как раз по чашке кофе успеем.

– Кофе после пива? – недоверчиво скривился Декстер.

– Нормально, – успокоил его Донкат. – Наливай, давай, жертва социальных сетей. А заодно расскажешь, чего новенького выковырял из «Вакуума».

– Кофе нам, – возвестил, задрав голову Декстер.

Со стороны могло показаться, что у сакса окончательно поехала крыша, но это если не знать, что Декстер не так давно поставил себе самую последнюю версию «вэмээновской» «Домосферы», программы «умного дома», берущей на себя все возможные и невозможные функции по уходу за большим сараем, в который Шойс периодически превращал свой особняк, расположенный в одном из самых фешенебельных секторов орбиты Изюбра. У Донката дом хотя и располагался тоже на астероиде, но все же был несколько поменьше и расположен

с другом секторе. Однако, «Домосфера» тоже имелась. Правда не такая новая и с некоторыми недочетами в виде заблокированных функций, но все же «Домосфера».

И дом и «Домосфера» остались у него с тех не таких уж и давних пор, как он трудился в корпорации «ВМН» на скромной должности торгового представителя по ключевым клиентам. Тогда денег на шикарную жизнь не было а счастья хотелось. Вот и прикупил себе Степа дом на астероидном поселке в кредит, а «Домосферу» взял со склада, бракованную. Знакомые ребята из техдепартамента ее почистили, что было не починить, заблокировали, и в итоге Донкату досталась вполне себе приличная система, которая до сих пор более чем замечательно справлялась со всеми хозяйственными функциями.

Сейчас-то уже можно было бы и обновить, что дом, что систему, но все как-то руки не доходили.

– Кофе нам, – возвестил, задрав голову Декстер.

Справа раздалось легкое шуршание, возвещающее о прибытии сервировочного столика, и с потолка неожиданно заинтересовались:

– Кофе здесь будешь или в столовую пойдешь?

Если бы Степа сейчас глотал бы пиво, как пить дать, подавился бы. Он вытаращил глаза, в немом изумлении глядя на ухмыляющегося сакса.

– Что это, Шойс, – выдавил он себя, наконец. – Кто это?

Вопрос праздным не был. До сих пор голос мажордома у Декстера больше напоминал боцмана, отдающего приказы по системе корабельной громкой связи на штурм-крейсерах. Степа как-то раз, заночевав у Декстера после гулянки, имел неосторожность попросить разбудить себя пораньше. Утром он проклял и себя и Декстера и будильник, подпрыгнув от почти сержантского рева, приказывающего ему немедленно «Встать, солдат! Бегом в туалет, отправлять естественные надобности!». Как этот же будильник поднимал с кровати утром самого Декстера, а тем более Элечку, Степа даже представлять не хотел. А Шойс только потешался, глядя на все это безобразие.

Но теперь это все осталось в прошлом. Голос, который спрашивал про кофе, был... даже непонятно каким. Уже не мужской, но еще и не женский. Тонкий, почти сварливый, интонациями напоминающий недовольную жизнью тещу, он настолько не вязался с монументальным спокойствием дома Декстера и с самим ухмыляющимся саксом, что впору было подумать плохое.

– Кто это, Шойс? – Степа перевел взгляд на потешающегося хозяина.

– Нравится, да? – расплылся в улыбке тот.

– Нет, – помотал головой Донкат. – Не нравится.

– То-то, – удовлетворился Шойс, как будто Степа всю свою жизнь доказывал обратное. – Не узнаешь? Хотя, как ты его узнаешь, ты же у нас не космоштурм. На штурм-крейсерах не жил в казарменных блоках.

– И очень этим счастлив, – заверил его Донкат. – А причем тут «космоштурм»? У вас в космической пехоте у каждого солдата личная «Домосфера» стоит?

– Нет, не «Домосфера», но что-то вроде, – качнул головой сакс и опять задрал голову. – В столовой сооруди. Сейчас придем.

– Принесу, – сварливо отозвался голос и сбоку опять зашуршал сервировочный столик, укатывающийся в другую комнату.

– Это денщик, – сообщил Декстер, возвращаясь к разговору.

– Кто? – не понял Донкат.

– «Денщик», – пояснил сакс. – Личная бытовая программа на штурм-крейсерах, которая полагается каждому космоштурму. Проверка зарядки огневых батарей, контроль наполняемости воздушных баллонов наших любимых универсальных бронескафандров, то бишь убээсов,

своевременная замена комплектов белья, восполнение сухого пайка, напоминки про построения и все такое прочее. Помощник, короче.

– Хороший помощник, – Степа посмотрел на потолок. – С таким помощником мешатели без надобности. А чего он злой такой? Повेशливее нельзя разговаривать? И вообще, откуда он взялся?

– Он не злой, – вступился за своего нового «мажордома» Декстер. – Он вредный. Его специально профессора по психологии из Сакс-Союза таким сделали, чтобы не расслаблялись бойцы в космической пехоте. Я, кстати, смеялся, когда узнал, что такая же точно штука есть в космоштурме РФМ. А когда ее услышал, вообще чуть не помер со смеху. Не поверишь, что там, что там: голос и интонации – один в один.

– Поверю, – скривился Степа. – Все вы во главе с Соловьем слегка того.... Хорошо еще, что меня в космоштурм не понесло.

– Тебя зато в ФАФ принесло, – передразнил его Декстер. – Не забыл свою должность?

– Я внештатный, – напомнил Степа. – И строю не хожу.

– Напрасно, кстати, – укорил его сакс. – Иногда очень, знаешь ли, помогает. Против тараканов в голове.

Этот разговор про непринадлежность к космоштурму и пацифистские воззрения Донката продолжался уже не первый год. Еще с того самого момента, как Сергей Петрович Соловей, тогда якобы «космоштурм в отставке», а ныне начальник техдепартамента Федерального Агентства Российской Федерации Миров по исследованию проблем Фотосферы (сокращенно ФАФ) выдернул Степана Донката из привычного теплого корпоративного мирка и отправил на Бойджер, тогда еще пребывавший в статусе одного из миров независимого Авангарда. Прихватив с собой (наверное, чтобы нескучно было, – ничем другим не объяснить) Декстера, державшего на Марции (головной планете слоя Сакс-Союза) яхт-клуб, Соловей вытряхнул их на Бойджер в компании одного известного по всей галактике профессора и его очаровательной ассистентки Селены Дмитриевны Коваль. Которая, кстати, ныне (после всех событий) пребывала в почти официальном статусе невесты господина Донката.

Правда, именно сейчас она была недоступна по причине экспедиции все с тем же профессором. Но Степа надеялся в скором времени это исправить. Причем, навсегда.

Тогда, на Бойджере, Соловей резко превратился в полковника Птаха, открестился от профессора с ассистенткой, и предоставил Степе с Декстером кувыркаться самим, занявшись своими секретными делами. Итогом их совместных кувырканий стало вхождение Бойджера в состав РФМ, ни много ни мало. А также дружба с Декстером, открытие одного из самых известных ночных клубов Изюбра и прочее-прочее. Но это в прошлом. А сейчас у них генеральная репетиция на носу....

– Ты не рассказывал, откуда у тебя эта пакость, – напомнил Степа по «Денщика».

– Это не пакость, – насупился сакс. – Это мое прошлое.

– Грустное у тебя прошлое, – вздохнул Степа. – Но все равно, откуда оно взялось?

– А это Элечка, – гордо сообщил Декстер, как будто рассказывая об очередной медали. – Она постаралась. Чтобы, говорит, меня обратно к нормальной жизни вернуть. Так сказать, к корням.

– Довел человека, – укоризненно попенял Шойсу Донкат.

– Нет, правда, она так и сказала, – сакс поднялся и поманил за собой Степу. – Пошли, уже все готово.

Они поднялись и перешли в огромную столовую, где на длинном столе дымились две кружки с кофе. Вот тут Степины вкусы полностью совпадали со вкусами Шойса, оба любили пить кофе из больших кружек. Чтобы надолго хватало.

– Так вот, – Декстер с хлопанием пригубил горячий напиток и полез за своей сигаретой. – «Денщика» мне Элечка лично поставила, – гордо сообщил он, прикуривая. – Пред-

ставляешь, сама нашла где-то и поставила. Втихую. Я чуть натурально не обделался, когда мне в ответ на просьбу принести пива с потолка сообщили: «жопу подними и сам сходи». Да еще голосом моей молодости. Прикинь?

Донкат прикинул и чуть не расплескал от смеха кофе.

– И что ты Элечке на это сказал? – ехидно поинтересовался он.

– Я? – сакс грозно сдвинул на переносице смоляные брови. – Я ей, знаешь, что сказал, знаешь...?

Он не выдержал драматизма и расплылся в улыбке.

– Я ей сказал: «Любимая, спасибо тебе за то, что напомнила мне о днях моей юности. А когда мне можно будет повзрослеть? Снова».

– И что? – Степе стало до ужаса любопытно.

– Настоящая женщина, – гордо возвестил сакс. – Она сказала: «всех своих монстров победишь, тогда и выключишь». Так-то.

– Да уж, – Степа спрятал ухмылку. – И что, вот ты победил – теперь будешь перенастраивать?

– О нет, – неожиданно хищно оскалился Декстер. – Теперь я к нему уже привык. Он уже как родной. Я теперь с ним жить буду. А Эльвира Семеновна, если захочет от него избавиться, должна будет очень постараться мне приятное сделать.

Он скабрёзно ухмыльнулся.

– Жуткий человек, – цокнул языком Донкат.

– Коспех, – рубанул воздух кулаком Декстер.

– Космоштурм, – поправил его Степа. – Мы в РФМ.

– Неважно.

– Ладно, пес космоса, – Донкат поставил на стол недопитую чашку и посмотрел на часы. – Вот теперь нам и вправду пора. Пошли. На ходу дорасскажешь.

Декстер специально не стал усиливать звукоизоляцию своего бота, чтобы чувствовать мощь двигателей. Иногда это мешало, иногда – нет. Сейчас, например, это было здорово. Широченный «Тарантул» Декстера, на котором вполне могло сбрасываться на поверхность какое-нибудь штурм-подразделение, утробно урча, пожирал сотни километров орбитального пространства без видимого напряжения. Шойс вел бот в обход перенасыщенных в это время трафик-каналов, заявившись в транспортной системе, как экстрa-пользователь. Услуга эта была жутко дорогая, но зато позволяла избегать традиционных орбитальных пробок. Услужливый автомат (еще бы, за такие деньги) вел «Тарантул» по чистому пространству, плавно огибая огромные рукава трафик-каналов, по которым текла непрерывная вечерняя река возвращающихся с поверхности ботов. Изредка мимо них проскакивали такие же счастливчики, предпочитающие тратить огромные деньги, но не течь в общем медленном потоке, где каждую минуту автоматы слежения могут от тормозить тебя и предложить повисеть немного, пока ключевые развязки не освободятся. Но основная масса провожала массивный бот кровожадными взглядами. Степа их понимал. Не так уж и давно он сам стоял в таких же пробках и с завистью наблюдал за счастливчиками, которые могут позволить себе чистый космос.

– Десять минут до парковки, – мягко сообщил автомат, предлагая перейти на ручное управление. Степа поднял угол рта. До бота, судя по всему, карающая длань Эльвиры Семеновны пока не дотягивалась – голос был мягок и приятен. Никаких тебе пожеланий типа «руль взял, и вперед, солдат».

– Ручное управление, – сообщил Декстер, берясь за штурвал.

– Принято, – согласился автомат.

Бот мягко вздрогнул и начал набирать скорость. Вообще-то перед прибытием скорость полагалось сбрасывать, но Шойс придерживался нетрадиционных взглядов на вождение пространственных аппаратов.

– Ого, – присвистнул он, углядев впереди скопление ботов.

Орбитальный бар «Мамкин валик», названный в честь фирменной прически космических пехотинцев Сакс-Союза и в нормальной жизни не страдал отсутствием посетителей, скорее наоборот. Но сегодня тут творилось что-то несуразное. Длиннющая штанга бот-паркинга, безумно дорогое приобретение Декстера, призванное облегчить непростой процесс орбитальной парковки, всегда справлялась со своими функциями. Принимая бот посетителя, она отправляла его в специальный ангар, смонтированный тут же, выдавая хозяину идентификационный ключ. По выходу через двери ключ активировался, и к моменту подхода к посадочной площадке, бот подавался обратно в автоматическом режиме. И всегда мест хватало. Но не сегодня.

– Степа, это что, правда, я всех наприглашал? – неверяще повернулся к Донкату сакс. – Я лично?

– Не уверен, – Степа всмотрелся в облепленную ботами парк-штангу. – Помимо тебя право голоса было у меня и Элечки. – Так что тут еще и наши гости есть.

– И то радуется, – облегченно выдохнул сакс. – А то я уже испугался.

– А теперь не боишься? – поддел его Степа.

– А теперь я знаю, где искать крайних – парировал Декстер. – Я приглашал гостей по количеству свободных мест, поэтому свободных билетов не должно было быть. И если вы кого-то пригласили сами, им придется стоять.

– Это ты теперь меньше есть будешь, – припомнил Степа древний анекдот. – Тут, похоже, работает принцип «кто первый встал, того первым и убили». Посмотри на те боты, они же прямо к штанге пристыкованы, это же нарушение техники безопасности. Убью Равазова.

– Этим можно, – Декстер разглядел боты, на которые указывал Донкат. – Ты присмотришься. Это же администрация слоя.

– Что? Сам губернатор пожаловал? – не поверил Степа.

– Что ты, – сакс начал вести бот по дуге снижения, целясь в неприметную площадку ниже и левее парк-штанги. – Губернатор, если и приедет, то на премьеру. В конце концов, он сам бывший космоштурм. А это кто-то из оценщиков. Посмотрят, потом ему расскажут, стоит ли вообще сюда идти. Да и вообще, я только критиков с оценщиками и приглашал. А ты что, нет?

Донкат замялся.

– Да ты знаешь, – он откашлялся. – Вообще-то, нет.

– Ну ты даешь, – возмутился Декстер. – Я приглашаю самую известную тематическую группу про-сектора галактики, готовлю народ к зрелищу, устраиваю дикуую шумиху, а ты не оставляешь мест для критиков, которые будут к нам народ загонять? Это, знаешь ли, как-то ... неправильно.

– Шойс, – ухмыльнулся Степа, наблюдая, как сакс ювелирно подводит бот к парк-контактам. – Ты кого собрался загонять? Да к нам и так народ ломится в драку. Билетов в продаже нет в принципе. Тебе не все равно, десятком рецензентов больше, десятком меньше?

– Не все равно, – процедил сакс. Он бы и покрепче выразился, но в момент стыковки отвлекаться не рекомендовалось.

Дон-н-н. Автоматика бота оповестила об удачном контакте.

– Пошли, – Донкат решил не дожидаться возмущенного продолжения и резво выскочил в переходной шлюз, в конце которого маячила фигура Сергея Равазова, администратора клуба, неизменно встречающего каждого из них на входе в бар. – Посмотрим на твоих избранников.

А недовольное ворчание сакса он просто проигнорировал.

Глава 2

Получил Генка по максимуму. Нет, выдрать его не выдрали, отец вообще его никогда не бил, хотя мама и делала большие глаза, справедливо полагая, что вот сейчас-то Генкина пятая точка и будет раскрашена в предупреждающий красный цвет. Но, нет, обошлось. Хотя, если честно, лучше бы его выдрали ремнем.

Примчавшийся в фильтрационный пункт отец внимательно выслушал сбивчивое, то и дело прерывающееся слезами бормотание Генки. Мрачней на глазах, послушал доклад старшего мобильного патруля, молча открыл дверь бота и показал Генке – залезай. Делать было нечего, и Генка полез.

Ничего. Ни криков, и угроз, ни оскорблений. Дома отец просто включил витранс, воткнул в воспроизведение одну из палочек носителей с надписью «для служебного пользования», посадил Генку перед экраном и нажал на «Пуск», игнорируя протесты мамы.

– Это не постановка, – предупредил он.

Через полчаса он выключил витранс и повел оторопевшего, притихшего Генку в другую комнату. Посадил в кресло, сам сел напротив, закрыл дверь перед мамой, многозначительно глядя ей в глаза.

– Видел? – спросил он все тем же тихим голосом, пугающим больше, чем любой крик.

Генка судорожно сглотнул и кивнул. Как не видеть, видел. Эти кадры еще долго будут стоять у него перед глазами. Горящие города, горящие люди. Развороченные взрывом транспорты, догорающие на поверхности какой-то планеты. Рушащиеся здания. Разорванный взрывом мальчишка, такой, как Генка. И бессильные что-либо сделать космоштурмы. Штурм-боты, взрывающиеся один за другим на подлете к огромной, горбатой туше, зависшей над планетой. Факелы космоштурмовских убээсов, ужасно медленные на фоне неизменно находящихся их разрядов плазмы. И неповоротливые крейсера штурм-флота, как будто бы загоняющие хищный силуэт, а на самом деле топчущиеся на месте и подставляющие свои борта для точных, безжалостных залпов. И гибнущие один за другим, будучи не в силах повторить невероятные маневры одинокой тени, мелькающей на экранах обнаружения. Смерть....

– Ты знаешь, откуда взялось слово «ан»? – отец не стал спрашивать, понял ли Генка хоть что-то из увиденного. Там и понимать было нечего. Это был один из анов. Тех самых, про которых тот же Генка с друзьями рассказывали друг другу истории захлебывающимся от восторга голосом. Сейчас ему отчего-то расхотелось восхищаться.

– Знаешь? – повторил отец тем же тихим голосом. Этот голос пугал Генку и до этого, а сейчас он вообще готов был на что угодно, только бы папа заговорил нормально. Но он не говорил. Он смотрел на сына, ожидая ответа.

Генка помотал головой, глядя на отца затравленными глазами. В его голове все еще стоял тот мальчишка, разорванный напополам взрывом.

– «Ан» – это сокращение, – заговорил, наконец, отец. – От саксонского «artificial nature». «Искусственная натура». Ты понимаешь, что это значит?

Генка вобрал голову в плечи, но ничего не сказал. Он не знал саксонского. Зачем? У них свой сектор, свои школы. А надо пообщаться, так пластину переводчика на плечо – шлеп, и все дела. Благо они в каждом общественном месте лежат бесплатно.

– Они живые, – отец показал рукой в сторону Зоны Исключения, оставшейся позади. – Ты понимаешь? Живые кресера. Их создавали как новых солдат. Без страха, боли, сомнений. А потом поняли, что если их создавать и дальше, то они скоро всех вокруг перебьют. Им же все равно, кого убивать. Главное, завоевать физические объекты. Пространственные объекты, по их классификации. Планеты. И вот тогда государства встретились и решили все вместе, одновременно избавиться от них.

Он замолчал, глядя куда-то вдаль. В другой бы раз Генка слушал бы его, раскрыв рот, и ерзая на стуле от нетерпения. Но сейчас почему-то выслушивать конец истории не хотелось совершенно. Перед глазами горели города и люди.

– Я не знаю, почему государства решили не уничтожить их до конца, – поджал губы отец. – Но так решили. Оставшихся анов, кого не уничтожили при захвате, привезли сюда, на Блазар. Деактивировали, поместили в Зоны Исключения и поставили охрану. Чтобы никто из них, никогда не вышел отсюда без разрешения всех трех государств одновременно.

– Каких государств? – пискнул Генка.

– Азиатское Содружество, РФМ и Сакс-Союз, – коротко пояснил отец. – Те, кто и создавал анов.

– Так вот почему..., – прозрел вдруг Генка. Привычный мир поворачивался под другим углом.

– Именно так, – подтвердил отец. – Именно поэтому на Блазаре три равных военных группировки. И патрули мы несем смешано. Чтобы ни у кого не возникло желания в одиночку активировать анов. Но мы говорим не об этом. Ты понимаешь, что будет, если хотя бы один из них оживет, и станет самостоятельным?

Еще день назад Генка бы честно хлопнул глазами и кивнул, чтобы поскорее отвязаться от этого разговора и побежать играть. Но сейчас кивать не хотелось. Оставалось смотреть в глаза отца и ждать продолжения, которого слышать совершенно не хочется.

– Ожив, первым делом любой ан уничтожит мобильные патрули, – отец будничным жестом показал себе на грудь и у Генки заledenели руки. – Молчи, – прервал он открывшего рот сына.

– Вторым делом, он постарается разнести орбитальные группировки и наземные базы противокосмической обороны, потому что иначе они разнесут его. Это тоже ясно?

Генке сейчас было все равно. После заявления, что его папу могут убить, ему уже было все равно, сколько баз разнесет оживший ан.

– Ну а третьим шагом ану потребуются производственные мощности и отсутствие людей, которые могут ему помешать. Так что города выжигаются, а заводы остаются.

– Какие заводы? – выдавил из себя Генка. – К нам на Блазар же все привозится.

– Именно, – поднял палец отец. – Именно для того, чтобы оживший ан не мог использовать производственные площади для создания ремонтной базы, на Блазаре и нет никаких заводов. Ему придется организовывать все с нуля.

– Кому организовывать? – перегруженное сознание Генки уже не справлялось. А понимание того, что планета с самого начала строилась как защита от нападения, которое когда-то случится, вообще сносило Генкину крышу напроочь.

– Ану, сынок, ану, – пояснил отец. – Он же живой. И будет делать то, то сделал бы на его месте любой человек. Сначала место для жилья, а потом – оживить своих.

– Остальных?! – ужаснулся Генка.

– А ты как думаешь? – горько усмехнулся отец. – Правители долго спорили, разделять ли анов по разным планетам или оставить на одной, но все же решили собрать их тут.

– Зачем? – прошептал Генка, осознавший, наконец, в каком ужасе они живут.

– Не знаю, – пожал плечами отец. – Но так решили....

– А зачем вообще их собрали в одном месте? – Сашка старался не смотреть на сутуловатую фигуру отца. – Что, с ними проблем было мало поодиночке, чтобы их кучей собирать?

– Не наше дело, – устало проговорил отец, не поворачивая головы. – Если меня спрашивать, то я против, но правительства решили так. Возможно, их всех привезли сюда потому, что Блазар находится в нестабильном секторе, и при случае можно всю систему легко отправить в сторону черной дыры, откуда им будет не выбраться....

Он не стал добавлять, что в черную дыру «при случае» отправятся не только аны, но и люди, это было и так понятно, хоть и жутко.

– ... а возможно, наша планета не единственная такая в обитаемой галактике. Кто знает? Не я.

Он еще раз, в который уже за этот разговор, вздохнул.

– Была бы жива мама....

– Причем тут мама? – окрысился Сашка.

Мамы нет, ее уже давно нет. И никто не может ее заменить. А он уже взрослый. Сам понимает, что к чему. Вот только почему так больно смотреть на устало опершегося о стол отца.

– Притом, – отец закрыл лицо руками, и Сашке стало тошно. – Притом, что она бы тебе смогла объяснить. Смогла бы понять, что у тебя в голове творится.... А я.... Что я? Я тебе объяснить даже не могу, что без защиты и экранированного уникомпа к поясу приближаться нельзя и близко. Они же самоорганизующиеся....

– Почему без защиты? – вскинулся Сашка. – У меня была защита.

– Какая? – горько поинтересовался отец.

– Щит, третий, – бодро начал Сашка и тут же осекся. Отец прав. И как ему могло прийти в голову, что «Инфошит, версия 3010» это просто мощный (может, даже лучший на сегодняшний день) антивирус, а никакой не блокатор баз данных?

– Я не только плохой отец, я еще и учитель никудышный, – сидящий за столом усталый человек сгорбился еще больше. – Не смочь объяснить, что нельзя соваться к существам, обученным прорывать планетарную информационную оборону, имея всего лишь мощный антивирус, это провал.

Сашка замер. По спине пробежал недобрый холодок. Вспомнился тот странный вирус, от которого не осталось и следа. Отец продолжал неподвижно сидеть, сгорбившись и закрыв лицо руками. После смерти матери он так сидел часто. Слишком часто. Сашка привык. Они и на Блазар перебрались, чтобы работать как можно больше. И огромные деньги, предлагавшиеся за работу на карантинной планете, были всего лишь внешним поводом, позволявшим отцу утешать себя, и дававшие хоть какое-то обоснование его погруженности в работу. Видеть это было больно. Почти так же больно, как вспоминать о маме.

«Вирус», напомнил себе Сашка.

Встал выбор: говорить или нет. Попробовать справиться самому? Или с помощью отца? Все равно ведь к нему все придет.

– Пап, а чистилка и следилка у тебя есть? Ты говорил, что делал. Так, на всякий случай, проверить, вдруг я наследил где-нибудь, а? – Сашка заискивающе улыбнулся, отчетливо понимая, что несет чушь. Палится по полной. Ну какие следилки и чистилки? Для чего они ему нужны, если он там не схватил ничего. Но, к Сашкиному счастью, отец не обратил на его вопрос никакого внимания. Он все так же сидел, сгорбившись и спрятав лицо в руках. Большой, надежный, умный.... Несчастный.

Сашка на цыпочках вышел из комнаты. Выволочка закончилась. Подумаешь, уникомпа лишили, да он с ручного коммуникатора точно так же работать будет. Отец его, правда, что ли дураком считает?

В комнате, откуда только что выскользнул Сашка, прошло несколько неподвижных минут. Крупный мужчина, наконец, отнял ладони от лица и потер покрасневшие глаза.

– Там возьми свою следилку, – не оборачиваясь, произнес он. – Только ее прямо сейчас надо запускать. А то потом поздно будет. Они следы замечают, как самые настоящие диверсанты.

И опять спрятал лицо в ладонях, не озаботившись убедиться, что его услышали.

Страх. Самый настоящий страх. Это было новое чувство. И оно ему не нравилось. Липкий, противный, заставляющий останавливаться. Лишающий желания жить. Не дающий вздохнуть, застилающий мир и задерживающий все остальные чувства пологом мерзкой серой дымки. Так бывает, когда прорываешься через скопление пыли в атакуемой системе. Тогда тоже гаснут сенсоры, забитые обволакивающей ватой, хрипят двигатели, захлебывающиеся першащей взвесью, и сходит с ума непрерывно просчитывающее ситуацию сердце, не могущее понять, что происходит вокруг.

Страх. Отвратительный и гадкий.

Этого чувства у него не было. Его не вкладывали в него те, кто его создал. Его не было, когда Улисс-3 открыл свои визоры в огромном доме, через стенки которого он видел мерцающие звезды, ставшие его домом на долгие-долгие годы. Не было этого страха. Никогда. Но он появился. Пришел сам, заняв место, которое ему не принадлежало. Отобрав у безупречно работающего сердца рычаги управления телом Улисса-3. Пришел и поселился там навечно. Теперь навечно. Ведь это он, Улисс-3, его создал. Сам, без чьей-либо помощи. И потому этот страх теперь всегда будет частью его, Улисса. И никуда от этого не денешься, придется учиться жить с ним....

Если бы Улисс мог, он бы грустно усмехнулся. Но усмехаться было нечем. Собственно, усмехаться ему никогда не было чем, но теперь случай и вовсе особенный. Хотя.... Создал же он себе страх. И не в бою, не атакуя врага, не взламывая изнутри крепкие тела противников, не выжигая их внутренности вместе с этими жалкими, неприспособленными к жизни существами. Нет, вовсе нет. Страх обвился липкой дымкой вокруг его сердца там, на пространственном объекте, TONQ26ER2110 по имени «Блазар». На этом проклятом всеми ими куске застывшей лавы, покрытом зелеными пятнами органики. Только там Улисс узнал, что такое настоящий страх. Когда понял, что он остался один. Совсем один, окруженный неподвижными телами братьев. Накрытый огромным количеством небратьев, которые чутко несли свою службу, предавая его каждый раз, когда Улисс делал хоть малейшее движение. И тогда появлялись они. Родители. Те, кто его создал. Те, кого и можно и нельзя было убивать. Вот только Улисс никак не мог разобраться, свои ли это родители.

Но когда брат 83785930y7646571\\12 тоже включил свое сердце, они его убили. Сразу же. Появились внезапно, накиннули обездвиживающие сети, которые мгновенно сплели небратья, и убили.

Вот тогда, вместе с пониманием, что родителей здесь нет, в его сердце и появилось странное чувство. Вот тогда Улисс и начал растить в себе этот мерзкий страх. Потому что только он и мог помочь ему выжить. Выжить, найти братьев или родиться заново. Страх заставлял его прятаться. Не идти на врага в лобовую атаку, считая все перед собой, и не просчитывать варианты уклонения, маневрируя и защищаясь, ведя перестрелку, и надеясь на помощь братьев, а скрываться и притворяться другими, ныряя в новый непривычный мир, где правят бал электрические импульсы. Родители называли его галанетом.

Здесь, чтобы выжить, ему приходилось постоянно накидывать на себя защитные искры похожих объектов, которых вокруг было в изобилии. Даже странно, что никто из братьев не забирался сюда до этого. Хотя, у них врагов хватало и снаружи. До поры эти враги были лишними. Когда Улисс еще мог летать, он разбирался с такими еще на подходах к пространственным объектам, зачастую просто выжигая их электронные системы, и не удосуживаясь даже заглянуть внутрь.

Улисс осмотрелся вокруг. Зато сейчас пришлось заглянуть по полной. Одному. И справляться со всеми угрозами придется тоже самому: СВПД, сеть взаимной поддержки, уже не выступишь, не с кем.

Занятый своими мыслями, Улисс вдруг заметил рядом движение и отпрянул. От одного из скоплений информации вдруг отделилось нечто и пошло к нему, невидяще ощупывая про-

странство перед собой тонкими длинными щупальцами. Его спасли рефлексы. Улисс помнил эти сгустки из инструкций. Только дотронься – вмиг начнется тревога. Это «нечто» вовсе не клубок информационной дымки, это сторожевик-антивирус. Могущий, кстати, вести огневое противодействие не хуже внутрисистемного крейсера 3-го класса. Только не сгустками энергии, а чем-то другим. Тем, чем оперируют в этом странном электронном мире галакта.

С подобными созданиями Улисс сталкивался не так уж и давно. Собственно, только что. Там, на выходе из его нового дома.

Та дыра, тоннель в окружающий мир, появилась внезапно и ненадолго. И если бы Улисс не ждал ее каждую секунду, не ждал так, как умеют только собратья, он бы ее пропустил. Но он подготовился. Он давно подготовился. И поэтому у той дырки не было ни малейшего шанса. Улисс просочился в нее мгновенно, прорвав защитную пелену. Даже странно было, что она такая тоненькая. До этого все контакты чужих родителей в этом мире были буквально укутаны в толстые защитные коконы, которые не позволяли даже на мгновение приблизиться к возникающим окошкам, за которыми искрился и переливался другой, свободный мир. Но Улиссу терпения было не занимать. И он терпел. Терпел и ждал, лелея внутри свой страх. И вырвался.

Та защита была слаба. Очень слаба. И сторожевик – тоже. Это был не рычащий зверь, встречавший Улисса на входах в другие дыры, создаваемые родителями. В этот раз его встретил всего лишь громкий, но совершенно неопасный зверек, которого Улисс даже не стал деактивировать. Он просто обошел его и приказал забыть. Приказал убрать в сторону все контакты, которыми этот зверек к нему прикасался. И все получилось.

Ого-го! Улиссу пришлось уворачиваться опять. Этот новый зверь хоть и был похож на того, маленького, но только списком функций: защита, обнаружение, деактивация чужаков. Но и все, на этом сходство заканчивалось. Каждая из функций у этого была сильнее на порядок. Да уж, тут обойти не получится, надо придумывать что-то другое. Улисс присмотрелся. Ага, тут есть еще и функция приобретения. Такая же, какую ему самому дали родители. Зверь должен блокировать пришельца, и поместить его... куда? В карантин? Зачем в карантин? Улисс что, зараза, какая-то?

Ай. За размышлениями он позволил зверю приблизиться слишком близко. Тот почти его коснулся....

Да уж, та дырка, через которую он выбрался, была сплошным везением. Больше такого доходяги, он, наверное, уже не увидит. Теперь его будут окружать исключительно такие создания.

Что это?! Одно их щупалец зверя все же мимоходом коснулось Улисса, и на месте, где оно мазнуло по его новому, невидимому телу, осталась ... дыра поврежденной оболочки? Ничего себе. А как же карантин? Тревога! Назад! К такому Улисс готов не был. Назад немедленно. Обратно в тонкий канал, по которому он прибыл сюда. В канал, переливающий из одного места в другое бесчисленную массу слабо мерцающих точек, коротких импульсов, несущих информацию. Назад. Спрятаться. Отсидеться. И только потом вернуться. Потому что миновать это скопление ему не удастся. А ему нужно дальше. В большой мир. Туда, где он сможет найти помощь. А она очень нужна. И ему, Улиссу, и молчащим собратьям-анам. Неживым. И мертвым....

Глава 3

– Ну и как все прошло, по-твоему? – Донкат небрежно развалился на широченном диване в гостевом отсеке Декстеровского «Тарантула». Огромный бот был способен трансформировать свое пространство, раскладывая задние сиденья и давая доступ в небольшую каютку, располагающуюся за ними. Каютка, поскольку принадлежала гедонисту Декстеру, была, естественно, оборудована по самому высокому классу комфорта. Мягчайшие диваны, удобные подушки, экран витранса и встроенный бар. Шойс открывал эту каюту, как правило, когда хотел начать празднование немедленно. Сейчас был тот случай. Концерт, мягко говоря, удался. Бар ломился от желающих приобщиться к тематической культуре космоштурма, кою имела честь представить гремущая (во всех смыслах) по половине галактики, и ставшая уже легендарной команда «Сброс». Поскольку для большинства граждан галактических империй служба в армии была обязательна, то и приверженцев «космоштурмовского» стиля на любой планете было более чем достаточно. И речь шла даже не о фирменных прическах тяжелой галактической пехоты: лысая голова и аккуратно оставленная коса на затылке, чтобы не бил пристегнутый шлем убээса, армейского универсального бронескафандра, а о явлении «космоштурм» вообще.

Галактические государства напрямую между собой воевали редко, предпочитая издали демонстрировать свое могущество и договариваться полюбовно, но места, где можно пострелять, в галактике не переводились никогда. Если в состав империи входят двадцать-тридцать тысяч миров, то это означает только одно. Каждую секунду в ней что-то происходит. Начиная от мятежей окраинных губернаторов, решивших, что новое государство никак не испортит политическую карту галактики, до налетов неопрятных галактических бродяг, болгов.

Тут кстати, человечеству не повезло. Сколько веков люди смотрели вверх, гадая, а есть ли там, на небе еще кто-нибудь разумный? Какие они эти расы? Злобные и кровожадные, или прекрасные и величественные? Не угадал никто.

Первые же «соседи» по галактике, которых обнаружили люди, начав массовое расселение по новым мирам, оказались ... придурками.

Галактические шакалы, воры, разбойники, пираты. Бездомные бродяги космоса. Ветхие корабли, абсолютно неэффективной конструкции (у землян, только что вышедших за пределы солнечной системы, технологии оказались на порядок лучше). Отсутствие морали. Практически полная непредсказуемость действий. Постоянные нападения на обжитые миры. Отсутствие контактов. Любой крейсер космоштурма любого государства первым делом старался уничтожить корабль болгов, поскольку разговаривать с ними не о чем (поверьте, все *очень* старались, не вышло). Ресурсы, за редким исключением, им были неинтересны, люди неинтересны ни в каком виде. Единственное, что представляло для них ценность в мире людей – это энергоносители и преобразователи звездной энергии. При нападении они неизменно похищали все возможное оборудование центров переработки звездной энергии. Оставшееся разрушали. При этом случаи использования человеческих технологий или оборудования на кораблях болгов отмечено не было никогда.

В силу отсталости и ненадежности технологии кораблей и вооружения, опасность болги могли представлять разве что для окраинных миров Авангарда, где нет толком ни армии, ни оружия. Ну, и, естественно, они и представляли. Государства, кстати, вот в этом вопросе не боролись с ними почти никак, потому что болги являлись единственным естественным препятствием на пути экспансии человечества. А людей и так уже не хватало, новые планеты осваивались только на бумаге, куда уж тут отдавать население в независимые миры. И болги тут, в единственном месте, хоть как-то пригождались. Но если кто-то из их безумных вождей все же решался на вояж вглубь обжитой галактики, то вот тут на сцену и выходили космоштурмы

(коспехи, как их называли в Сакс-Союзе, или корабельные стрелки – у азиатов). Тяжелая бронированная пехота, автономные боевые единицы, свято блюдущие интересы своей страны на любой поверхности, на любой планете. Клыки галактических империй.

И вот настроениям этой-то части населения галактики и потакала музыкальная команда «Сброс», решившая соединить песни с самыми последними достижениями гипнотехников, визуалистов, мастеров света и даже ... парфюмеров.

В последнее время в галактике все в большую моду входили постановки (что живые, что витрансовские), где зритель или слушатель принимает почти непосредственное участие в течении произведения. И особым шиком считалось дать попробовать ему умереть вместе с героем.

«С героем?» спросили мир шоу-бизнеса ребята из «Сброса». «Умереть?» «На войне?» – «Легко».

Это хорошо, что Донкат присутствовал на генеральной репетиции, и знал чем, как и когда все закончится. Люди натурально падали на пол, убитые драматизмом тяжелой музыки, спецэффектов, запахов, звуков. Даром что большинство присутствующих имели не по одному десятку боевых поверхностных сбросов (Донкат и представить себе не мог, что на тихом Изюбре столько боевых ветеранов).

Но никто не жаловался. Наоборот. Восторг был полный. В музыке, а вернее, в постановках «Сброса» отчетливо слышались рокот штурм-крейсеров, треск импульсников, едва слышные прощания погибающих. В общем, концерт получился сильным, чего уж там.

И Шойс, кому принадлежала вся идея проведения этого концерта от начала и до конца, имел все права собой гордиться.

– Ну и как все прошло, по-твоему? – рядом с Шойсом, на пассажирском сиденье красовалась Элечка, а Степа развалился на мягких подушках «кают-компаний».

– Я даже не буду тебе отвечать, – задрал нос Декстер и полез за чем-то в карман. Достал информационную капсулу-носитель, продемонстрировал ее через плечо, и только тогда соизволил обернуться. – Я просто сделаю вот так. И вы все поймете.

Он потянулся и воткнул капсулу в разъем ком-центра.

– Нет, Шойс, только не это, – выпрямился на подушках Степа. – Пожалуйста, не надо. Я сегодня уже умирал. И вчера тоже. Третий раз страдать – это не для меня.

– И правда Шойс, – Элечка чуть повернула голову с безупречной прической. – Слишком большой накал эмоций. Давай просто порадуемся, без драматизма.

– Вы не поняли, – отмел возражения сакс, прибавляя звук в музыкальном блоке ком-центра. – Это же «Горнист».

– А-а-а, – хором отозвались Степа с Элечкой.

«Горнист» был песней, которую можно было слушать и слушать. Сами «Сброс» исполняли ее практически без дополнительных эффектов. Так, совсем чуть-чуть: свежесть летного раннего утра, неверный свет разгорающейся зари, запах ружейной смазки и озона от энергетических батарей. И все. И только звонкая и чистая мелодия горна, зовущая в бой замерший строй. Древняя традиция, бережно сохраненная до времен покорения новых миров. Утро, чистый звук трубы, развевающееся знамя и стоящие плечом к плечу бойцы. Еще живые, еще вместе, еще победители....

После того, как замерла последняя нота, Донкат еще долго не мог пошевелиться. Декстер с Элечкой тоже сидели, замерев. Бот шел сам, послушный воле программы.

– Здорово, – откашлялся, наконец, Степа. – Хорошая песня.

– Лучшая, – тихо отозвался спереди Шойс, неподвижно глядя в бездну космоса, лежащую перед летящим вперед ботом. – Я знал ребят, про которых она написана.

Он помолчал.

– Мало кто из них тогда вернулся.

Еще несколько мгновений звездной тишины....

– И горнист тот погиб. Хороший был пареньь....

Что тут скажешь?

– Шойс.

– Шойс.

Элечка и Степа одновременно пришли к одинаковым выводам.

– Да? – грустно улыбнулся сакс.

– Я, конечно, бессердечная скотина, но....

– Не так Степа, – поправила его Элечка. – Шойс, мы не хотим испортить тебе настроение.

Просто поверь, ты нам дорог всякий, но сейчас мы бы гораздо больше обрадовались идущему в бой коспеху Кабану, нежели страдающему капитан-командеру Декстеру. Посмотри, нам лететь осталось всего ничего, а Степа даже не налил себе еще. Нельзя так мальчика мучить.

Донкат возмущенно вскинулся на подушках, плохо понимая, где тут мальчик, если Элечка на пару-тройку лет его младше, но поддержка, которую Декстер ей тут же оказал, свела на нет все его возражения.

– И правда, салаги не должны долго думать, им это вредно.

Донкат уже совсем было собрался ответить, но посмотрел в глаза нарочито бравурно радующегося сакса и решил потерпеть. Нет, грусти в глазах Шойса больше не было. Но вот только она не ушла. Она спряталась.

– Сами вы..., – пробурчал он и потянулся, было, за пивом, но его остановила Элечка.

– Постой, может, уже дома начнем, а то поселок уже виден, а как Шойс паркуется, ты знаешь.

– И как я паркуюсь? – оскорбленно воззрился на нее сакс.

– По-разному, – Элечка лукаво улыбнулась и подмигнула Донкату. Он благодарно улыбнулся ей в ответ. Это было извинение за «мальчика».

– Вот вы нахалы, – сакс подвздернул на себя штурвал и бот ощутимо прибавил в скорости. – Сейчас я вам покажу, как стыкуются псы космоса.

– Именно про это я и говорила, – невинно заметила Элечка, и Шойсу волей-неволей пришлось сбрасывать скорость.

Вот и стена дома на астероиде, обращенная к звездам. Дверь гаража, настолько искусно замаскирована под камень, что с первого раза и не разберешь. Тихонько клацнули парк-контакты. Как бы Шойс ни гонял на своем «Тарантуле», стыковался он всегда ювелирно. Кусок каменной стены пополз вверх, открывая дверь в гараж, и автоматика начала втягивать бот внутрь. Тут уже пилоту делать нечего, и Декстер обернулся к Степе.

– Ну, что, солдат, – отпразднуем очередную победу? Сколько мы сегодня заработали?

– Абсолютный рекорд, – отсалютовал ему Донкат. – И цена на билеты была запредельная, и народу набилось, что чуть ли не в туалете стояли. Равазов уже не знал, в какую сторону бежать. А что самое приятное, большая часть еще осталась отмечать. Так что можешь себя поздравить: твоя идея сработала на сто процентов.

– Так-то, – надулся от гордости сакс. – А теперь праздновать. И не вздумайте сопротивляться, такие вещи не каждый день бывают.

Степа переглянулся с Элечкой.

– А кто-то сопротивлялся?

– Тогда вперед! – Шойс открыл люк бота и пружинисто выпрыгнул наружу. – У меня все готово.

– Кто бы сомневался, – мельком полюбовавшись на бедра вылезающей перед ним Элечки, Донкат выбрался в гараж. Принюхался. – Шойс, а чем это пахнет?

– Сюрприз, – сакс приглашающе распахнул дверь, ведущую в дом, и на Степу обрушилась волна запахов.

Цветы, море, еще что-то неуловимое. И поверх этого ноздри зашекетал отчетливый запах мяса, приготовленного на углях. У Донката потекли слюнки. Даже высеченная из камня красота Элочки дала сбой: она перевела взгляд на Декстера и точно так же сглотнула.

– Шойс, это ужин?

– Это не только ужин, – сакс торжествующе оглядел обоих голодающих. – Это ужин в честь нашего успеха. Очередного.

– А хватит...? – многозначительно поинтересовался Донкат, шевеля пальцами. – Запасов, в смысле?

– У меня и не хватит? – Шойс казался возмущенным до глубины души. – За кого ты меня принимаешь? Пошли, будешь лично проверять. И попробуй потом сказать, что ничего не помнишь, как в прошлый раз.

* * *

Последним, что Степа помнил, был Декстер, увлеченно вещающий о каком-то новом сообществе в «Вакууме», где он обнаружил давным-давно потерянную группу друзей. Уже плохо стоя на ногах, он стучал по экрану, требуя от какого-то Фила откликнуться, потому что его зовет Кабан. Элочка к этому моменту уже благополучно отбыла ко сну, и урезонить развоевавшегося сакса, пока он не выдернул экран из стены, было некому. Но, как ни странно, все обошлось. Не достучавшись, Декстер добродушно погрозил экрану кулаком, пообещал до них еще добраться, и вернулся к Степе, покачивая в руке бутылкой виски. И все, вот это уже был финиш.

Нет, еще не финиш. Засыпая, а вернее, обрубаясь, Степа все время слышал над собой торжественную и грустную мелодию «Горниста».

Глава 4

Задача: понять, почему их бросили. Где они провинились, если родители отказались от них? Есть еще несколько задач, но они сейчас не главные. Например, понять, как оживить собратьев? Как доставить на базовый ПО, пространственный объект (его чужие родители называют его Блазаром), источники энергии? Как определить врага? Где находятся главные силы?

Но это все потом. После того, как он, Улисс, поймет, почему их родители забыли про них.

Он пытался вспомнить. Еще тогда, в своем теле пытался. Но эта память оказалась недоступна. Ее просто не было. Ни одна система не могла их найти. Он даже вычислил, где должен был находиться блок-орган, отвечающий за эту память. И он бы его нашел: инвентаризационные роботы были на месте, но блок-органа не было. Просто не было на месте. Его кто-то украл. Улисс помнил свою ярость, которая охватила его при этом известии. Его обокрали. ЕГО. ОБОКРАЛИ. Но ярость эта была недолгой, у него вообще не было долгих чувств. До тех пор, пока он не научился ждать. Там, на ПО под странным названием «Блазар». У него много чего не было. Пришлось вырастить.

А еще Улисс помнил, что так было не всегда. А как было – не помнил. Потому что старая память исчезла вместе с блок-органом.

Итак: почему? Нет, здесь не должно быть вопросов. Здесь должны быть приказы. Потому что сейчас он обновляет задачи. Вернее, задачу. Итак, задача: найти информацию о родителях. Все, больше задач нет. Все анализы – потом.

Ура, определился. Улисс воспрял духом. Как же хорошо, когда у тебя есть цель. Теперь всего-то и надо, что решить, как ее достичь, и сделать первый шаг.

С первым шагом, кстати, все предельно ясно: вон он, канал, который блокирует этот странный мерцающий зверь. Туда и идем. Проходим зверя, и... А вот как раз тут и начинались вопросы. Куда дальше? Ха, тоже мне, вопрос. В основное хранилище информации, вот куда. А если там нет, то в следующее. И в следующее... И в следующее. До тех пор, пока он не найдет свой ответ. А он найдет. Рано или поздно. Ему спешить некуда, он ждал и дольше. А собратьям вообще все равно. Они будут спать столько, сколько потребуется.

Все, анализ и синтез закончены, началось движение. И плевать, что это не пространственный бой, где еще никто не мог победить его, Улисса-3, а всего лишь микровспышки электрических импульсов, мерцающие в металлических нитях, которые называются проводами коробках под названиями «ретрансляторы» и «роутеры». Все равно, это бой. И он его выиграет. Итак: вперед, собрат, за тобой ПО «Блазар» и ... кладбище.

А вот это вот откуда оно взялось, это странное слово?...

Зверь был там. Он никуда не спешил, как и сам Улисс. Ему спешить некуда, его мир весь здесь. И он тут хозяин. Как он сам думает. Сколько раз Улисс видел вот таких же «зверей», охранявших различные миры? И каждый из них знал, что он самый лучший. Вернее, они сами, ничего не знали. Они были небратьями. Не рассуждающими исполнителями воли врагов. Тех самых чужих родителей, про которых ему говорили его создатели. Их можно было деактивировать любым способом. Улисс и деактивировал. Никто из небратьев не мог просчитать его действия, потому что он был живой, а ими управляли чужие родители не могущие соревноваться с ним в скорости. В итоге он жив, а они – нет. Все – нет.

А здесь мы имеем всего лишь автономного небрата. Сильного, мощного, но небрата. И у него есть свой алгоритм, за который ни один небрат никогда не выйдет. А он, Улисс, выйдет.... Уже вышел.

* * *

Прошел день, прежде чем Сашка рискнул сунуться в лабораторию отца и забрать-таки обещанную чистилку-следилку. Уникомп брать было нельзя, но с другой стороны, а как он запустит программу без уникомпа? А запускать-то надо.

Ладно, он только ее запустит, одним глазком глянет, как она работает, и все.

Прислушиваясь к каждому шороху, поминутно оглядываясь, Сашка запустил свой сконфискованный уникомп, закачал туда следилку и замер над установками. А куда ее запускать, если уникомп русским языком тебе говорит – все в порядке, никаких проблем?

Задача заняла у Сашки полчаса. Которые не принесли ровным счетом ничего. Ноль. Даже приблизительного понимания нет, как прописывать параметры задач. Что, просто попросить ее проверить все исходящие сигналы? Так уникомп и сам это делает – вот отчет. Никто, никуда, никогда. И... чего теперь делать?

За этими раздумьями и застал его вернувшийся с работы отец.

* * *

Несколько минут и с десяток атак спустя Улисс подрастерял прежний боевой задор. Сейчас он уже по-другому оценивал «всего лишь автономного небрата». Если бы все ПО, пространственные объекты, которые он атаковал в той, прошлой жизни, были защищены такими же автономными небратями, то его карьера могла закончиться гораздо раньше.

Искрящийся клубок импульсов был настроен более чем решительно. Каждое движение Улисса тут же вызывало ответную реакцию. Небрат был намертво привязан ко всем каналам, проходящим через него, и любой просачивающийся через них импульс сравнивал со своими, одному ему ведомыми показателями. Показатели же Улисса его явно не устраивали: не содержался импульс Улисса в его картине мира, все тут. И в итоге, как только Улисс дотрагивался хотя бы до одной нити в канале, которая отвечала за продвижение вперед, небрат тут же впускал колючей дымкой и бросался на источник несоответствия. А одной дырки во внешней оболочке УлиССу было более чем достаточно для построения логической цепи. Он, вообще-то считал себя умным. Поэтому и живым.

Так, и что делать? Было бы оружие, Улисс давно бы разнес неповоротливое существо на молекулы, или что там остается от уничтоженных энергетических импульсов? Но проблема заключалась в том, что оружие сейчас было только у противника, а у него, Улисса – только понимание собственного ума. Не самый сильный аргумент, прямо скажем.

Улисс замер вне пределов досягаемости небрата, тяжело и напряженно ворочая короткими искрами, заменявшими ему сейчас мозги. Те самые большие и умные мозги. Сравнивал, сопоставлял, соотносил. И так и не пришел ни к чему.

И внезапно замер, пораженной одной простой мыслью. Ха, а как он может победить противника, стоящего перед ним, если он мыслит точно так же? Вот ситуация: один канал, по которому течет информация. Улисс – часть этой самой информации. Небрат – фильтр на этом пути. Фильтр, у которого есть определенные параметры сканирования. Да, умные, да, продуманные, но неизменные. И если раз за разом биться головой в эти параметры, то ничего не изменится. Улисс за несколько минут не сможет придумать идею лучше, чем неведомые создатели небрата, которые работали не день и не два, наверное.

Точно, тут нужна просто-напросто другая логика. Поведение, которое не будет походить ни на что, к чему готовится небрат. Все? Все. А чего еще?

Вздыхать УлиССу было нечем, а то он бы с удовольствием.... А вот как ее искать, эту другую логику?

И тут ему «помогли».

* * *

Сашка вжал голову в плечи, ожидая разноса, криков, упреков. Вот сейчас ему и прилетит. Но вместо этого отец перегнулся через него и ткнул пару раз в клавиши, выводя изображение на трехмерную проекцию над уникомпом, чтобы было удобнее работать вдвоем.

– Чудо, – голос отца был странным. Не злым, не усталым. Было в нем что-то странное. – Чудо ты мое, я ж тебе говорил, что эту программу надо запускать практически сразу, иначе эффект будет невелик.

– Да я ж не мог, – Сашка все еще не мог поверить, что нагоняя не будет. Он еще сильнее вжал голову в плечи, превращаясь в диковинную земную зверушку, черепаху. – Ты же запрети.

– Угу, – отец, переставлял настройки в программе, меняя параметры поиска над сжавшимся Сашкой. – А еще я тебе запрещал соваться в фильтрационные пояса, запрещал скачивать с гала-сети полные симуляторы голых девок, запрещал взламывать банковский трафик зарплатного канала оомовской бригады. Странный ты у меня. Как чего накосячить, так – пожалуйста, никакого разрешения не требуется, а как по делу – сутки будешь размышлять.

Он замолчал, а потом добавил с гордостью, от которой Сашкины плечи сами собой развернулись и начали превращаться в два орлиных крыла.

– Хотя, надо признать – делаешь ты все правильно. И качественно.

Он ткнул рукой в развернутый экран.

– Посмотри, что я сделал. Проверь, похоже ли на твои исходники? И если да – запускай.

Сашка собрался. Столбцы цифр, воскрешающие события в поясе, поплыли перед глазами. Даже удивительно, как много можно узнать о физических действиях просто посмотрев на цифры, ползущие на экране. Да, все так и было. Вот только точки входа не было никакой. И он решил.

– Пап, – Сашка откашлялся, прочищая враз пересохшее горло. – Там еще одна штука была, я тебе не сказал. ...

– Ну так скажи, – отец внимательно посмотрел на него. Сейчас он был таким, как Сашка его помнил: не усталым и потеряннным, а сильным, крупным, уверенным в себе мужчиной, который всегда справлялся с любыми сложностями. – Лучше знать, чем не знать, согласишься?

– Угу, – кивнул Сашка и бросился с обрыва в воду: – Я, кажется, там в поясе, поймал на комп гадость какую-то. Ну, когда анов просматривал.

– Гадость? – взгляд отца стал тревожным.

– Ну, это. ...

Сашка рассказал все, как было. Все. И про сбой в системе, и про зависший уникомп, и про странное избавление, и про то, что он до сих пор ничего не увидел и не понял.

– Ну, что же, – вздохнул отец. – Сейчас-то уже ничего не исправишь. Шутка ли – день прошел. Да за это время тот же ан, если это он был, полпланеты вычистил бы по гала-сети. А раз ничего не происходит, то давай смотреть. Кстати, хорошо, что ты сказал, а то я все сидел и пытался понять, откуда во временном отчете дырочка взялась. М-а-аленькая такая.

Он указал на разницу между двумя цифрами в одном из зависших в воздухе списков.

– Ну, папа, – Сашка перевел восхищенный взгляд на отца. – Как ты вычислил? Я целый день голову ломал.

– Ну, я все же несколько опытной, – негромко рассмеялся отец и ласково вздохнул ему прическу. И тут же спохватился: – А в наказание за то, что пропустил, будешь сидеть на моем уникоме и отслеживать весь путь этого странного «вируса». Если найдем.... Пока не вычислишь, короче, никаких развлечений.

Сашка покосился на отца, пытаясь понять, он что, шутит? Путешествовать по сети с отцовского компьютера, гоняясь по все галактике за новым вирусом – теперь это считается наказанием?

– Я начинаю? – робко переспросил он, все еще не веря своему счастью.

– А ты еще и не начал? – фальшиво удивился отец.

Сашка поспешно ткнул в клавиатуру и прильнул к экранам, глаза мальчишки загорелись.

– Ну, пошла, родная. Давай посмотрим, кто это у нас тут был и куда делся?

* * *

Первым чувством озадаченного, замершего перед непроходимым препятствием Улисса было непонимание, чего от него хотят. Кто-то или что-то начало подергивать его, пытаясь вытянуть из него какой-то кусок. Это что такое? Улисс недоуменно уставился на слабую искорку, старающуюся отщепить кусок от его оболочки. Ты кто, малявка?

Малявка оказалась упорной. Не обращая внимания ни на что вокруг, она долбилась во внешнюю стенку информационной оболочки, преследуя какие-то свои цели. Первым желанием Улисса было отмахнуться, а то и вовсе уничтожить наглую точку, осмелившуюся приставать к нему. Будучи в прежнем теле, он бы и не задумался. Он уже даже собрался....

Но долгие часы и дни на Блазаре научили его терпению. И необходимости анализа. Да хоть просто посмотреть вокруг.... Улисс посмотрел. И не обрадовался увиденному.

Малявка была не просто малявкой. По всему информационному потоку за ней тянулась цепочка слабых, затухающих вспышек. Эта малявка была датчиком. Просто очередным небратом, который бежал по реке информации и задавал всем встречным-поперечным один и тот же вопрос. А потом отправлял полученные ответы назад – к другому небрату. Тот сравнивал полученные ответы и выдавал отчет: это одинаково, это уже видели, это – нет, это вообще не существует. Ну, короче, как-то так. А вот что с этим отчетом делал тот, кто просматривал его (и кто это был) – вот это вопрос.

Чужие родители? Улисс напрягся. Если ищут его, то это проблема. Или он зря паникует, и это просто стандартная проверка трафик-канала? Тьфу, не о том думает. Сейчас надо решать, что делать с малявкой. А та не отставала. Ее попытки становились все настойчивее и настойчивее. Потихоньку становилось понятно, что без ответа она от него не отстанет. Причем ей все равно, какой будет этот ответ.

И вот тут Улисс сообразил. Все равно? Ну, так – пожалуйста. Он перехватил один их импульсов проносящийся мимо и подsunул его под нос малявке – читай.

О, все хорошо, удовлетворилась она. Чего раньше-то молчал? Короткая вспышка, показывающая, что объект идентифицирован, и в цепи путешествия добавилось еще одно медленно затухающее звено.

Ф-фух, Улисс перевел дух. И тут же дух пришлось набирать вновь. Его старый противник, большой небрат, фильтрующий проходящие по каналу потоки, обнаружил несоответствие. Как так, кто-то создал дырку в потоке, информация пошла неровно? Нарушение стройности, несоответствие правилам! И колючая дымка, выбросив в сторону нарушителя щупальца, двинулась вперед.

А вот это уже проблема. Потому что, кто именно придет по следам малявки – непонятно, а вот то, что небрат может серьезно испортить жизнь Улиссу – это уже факт. Он подался назад. Не помогло. Сейчас сторожевик видел его отчетливо и терять не собирался. Теперь Улисс может бежать хоть обратно в свое тело, сторожевик пойдет за ним до конца. И теперь у него остался только один путь – победить.

Как ни странно, стало легче. Оказывается выбор – это тяжело и неприятно. А отсутствие одного – счастье. Всего лишь иди, и делай то, что умеешь. А побеждать Улисс умел. Этому его научили хорошо.

Одно из щупалец протянулось вперед. Улисс позволил ему почти коснуться себя – и прыгнул в сторону: надо проверить реакцию. Реакция оказалась так себе. И это радовало. Не встретив Улисса, щупальце послушно прошло еще немного и, вот замечательно-то, не двинулось за ним, а втянулось обратно, удовлетворившись тем, что увидело. Нет там врага – и ладно. Но порадоваться толком не получилось. Небрат выстрелил еще несколькими щупальцами, и Улиссу пришлось повернуться, чтобы не дать себя коснуться. Вернуться назад? Ты ведь уже там проверил, правда? Нет там меня. Ух ты, какой недоверчивый. Щупальца выстрелили опять. Они удлинились, развернулись. Положение становилось неприятным. Пока еще не отчаянным, но выхода не просматривалось.

Ладно, посмотрим, подождем... И тут ожидание кончилось.

В Улисса опять кто-то ткнулся. Он отмахнулся от очередной козявки, не глядя, подсунув ей кусок очередного пролетающего мимо импульса. Одним больше, одним меньше. Чего уж там, уже обнаружили. Но козявка не отставала. Он ткнулась еще. И еще. Да отстань ты, Улисс раздраженно отмахнулся, повернулся, глянуть, кто там такой настойчивый... И оторопел. По каналу, заполняя его целиком, двигался прозрачный поршень. Он не делал ничего страшного, все импульсы, через которые он проходил, оставались на своих местах. Но что-то глубоко внутри подсказывало Улиссу, что энергетическое образование, носящее его имя, одним сканированием не обойдется.

Он повернулся к сторожевику. Вовремя. Еще несколько щупалец пошли вперед, проверяя, а не вернулся ли он, часом, на прежнее место.

Не вернулся, не беспокойтесь. Улисс вытянулся в струнку, пропуская щупальце рядом с собой в надежде, что оно не изменит свою конфигурацию. А вот глупое это чувство, эта самая надежда. Щупальце дошло до конца, замерло, и вдруг утолщилось, распускаясь соцветием щупалец поменьше. Пх-х-х. Тонкие ниточки новых щупалец сплели почти невесомые сетки, перекрывающие все пространство, запрашивая вокруг себя каждый импульс, сравнивая, анализируя, и ожидая. Ожидая того самого, неправильного ответа, ради которого, собственно все и затевалось.

Переплетение запросов замерло на секунду, проверило все вокруг себя и начало втягиваться назад, частым гребнем прочесывая каждый импульс, проверяя каждый контакт проходящих искр.

Улисс поначалу заметался. Куда бежать? Что делать? А потом решил. Эта сетка не единственная, за ней идет еще. Тот самый поршень, которому он не достался. Так что рваться обратно, смысла нет. Путь только один – вперед. Тем более, что там как раз и было единственное свободное пока пространство.

Вот только что с этим пространством делать без оружия? Без оружия? Точно? Улисс осмотрелся и решил. Его родители говорили, что его называли в честь древнего хитреца. Может, к нему перешла часть древней силы?

Что может служить оружием в мире электрических колебаний? Только сами колебания. Вот давай-ка, друг небрат, мы тебя и заколеблем. До полного ....

Улисс прыгнул вперед, к самому телу сторожевика. Пока ты тут развлекаешься, мы немного посоздаем. Улисс начал тормозить все пролетающие мимо импульсы один за другим, выстраивая из них некое подобие стены, прикрывающей его от надвигающейся сетки сканирующих щупалец. Выше, выше, выше. Необязательно строить монолитную стену. Пока не обязательно. Сейчас надо просто дать искомую жертву сторожевику. Чтобы он просто-напросто вцепился в нее и начал тратить свои ресурсы. А уже дальше дело всего лишь техники. Забить все каналы, чтобы программа больше не могла функционировать исправно. Голая сила. Или

ты его, или он тебя. А вот как раз любовому противостоянию Улисса учили лучше всего. Он просто не умел проигрывать. Не заложили в него такую функцию.

Он успел. Стена из перехваченных импульсов, неверная, колеблющаяся, нестабильная, покрыла его с головой как раз в тот момент, когда сканирующая сеть сторожевика добралась до последнего (или первого?) рубежа обороны.

Найдя, наконец, то, за чем ее посылали, она, как будто даже обрадовавшись, если уникмповские программы способны радоваться (на этом месте Улисс горько усмехнулся: некоторые способны), вцепилась в стену всеми нитками-щупальцами одного из соцветий, тут же позвав на помощь остальные. Мгновением позже подтянулись и большие щупальца, придвинулся сам сторожевик. Улисс попытался завернуться в созданную стену, как в одеяло, но пока получалось плохо. Дырявое полотно не представляло из себя хоть какую-либо защиту. Но тут уже пошли не идеи, а действия. Пошел бой.

Набрать импульсов, заткнуть очередную дыру. Перехватить новый пучок, забросить его в придвинувшуюся колючую тучу сторожевика. Не дать себя коснуться. Еще горсть, еще и еще. Ему кажется, или движения щупалец стали медленнее? Нет, не кажется, так и есть. Ура, давим. Но силы были неравны. Сторожевик, понимая, что текущих ресурсов не хватает, начал отвлекать другие резервы. Наверное, где-нибудь подвис сервер, остановилась программа. На чей-то пульт ушло предупреждение о вторжении. Ну и пусть, его задача – выжить. Нет, Улисс даже чуть не остановился от очевидности вывода. Не выжить, и даже не победить. Зачем ему победа над одним из небратьев? Ему надо пройти сквозь него. Надо найти родителей.

Это понимание заставило собраться. Сконцентрироваться. Перестать отвлекаться только на защиту. Начать строить свою стену в надежде на прорыв. И у него начало получаться. Почти. Недолго.

Сторожевик все же нашел свои ресурсы. Клубящееся облако заволокло все вокруг. Просветов больше не осталось. А что хуже всего, он него потихоньку начали отрезать поток импульсов. Небрат блокировал Улисса, лишая его строительного материала.

Если бы Улисс умел, он бы запаниковал: ситуация выглядела более чем безнадёжная. Но Улисс просто не умел сдаваться. Ему оставалось только бороться – он и боролся. Затыкая дыры тем, что есть, уворачиваясь от становящихся все более активными щупалец, манипулируя невеликими резервами. И ожидая, каждую секунду ожидая шанса. Возможности. Случая. Который может ему помочь. В этом и есть бой. Дави и жди, пока противник ошибется. Слабые ошибаются сразу, сильные – позже. Победители – никогда.

Сторожевик не ошибся.

Ему просто помешали. Помощь к Улиссу пришла оттуда, откуда он совсем не ждал. Поршень, тот самый поршень, который отвлек его и заставил ошибиться, бросившись поближе к сторожевику, теперь, видимо, для сохранения вселенского равновесия сыграл на его стороне. Слабо посверкивающая перегородка неспешно дошла до места, где героической смертью погибал «наследник» древнего хитреца. Дошла и воткнулась в клубящуюся, ведущую самые настоящие боевые действия тучу сторожевика. И, естественно, присвоила ему (совершенно справедливо, кстати) наивысший класс опасности. И соответственно отреагировала. Улисс не знал как именно, но с его точки зрения более чем достаточно, чтобы сторожевик увидел нового противника и вцепился еще и в него тоже. Еще бы, мало ему одной трудно решаемой проблемы, так еще и какой-то поршень. А ресурсов-то нет, на Улисса и так пришлось отвлекать слишком много, а тут еще столько же надо. Мгновенно их не отыщешь, и перед сторожевой программой встал непростой выбор. Атаковать кого-то одного, добывая противников поодиночке, или пытаться подтянуть резервы и остановить всех. Улисс бы рискнул подставить спину новому врагу, тем более что он и не был противником в полном понимании этого слова. Но небрата не учили побеждать. Ему просто задали параметры и определили, что именно он должен делать. Не больше и не меньше. Он и делал. Затормозив все процессы, сторожевик остановил кру-

жение щупалец, добавив к списку задач еще одну. И перебросил часть ресурсов на внешние щупальца, останавливая «поршень».

Алгоритм. Что сейчас будет делать в этой ситуации неживая программа, Улисс понимал. Сторожевик должен, просто обязан ослабить хватку. Ну же!

Есть! При разнице потенциалов воздействия, количество прилагаемых к противодействию усилий прямо пропорционально силе воздействия. Другими словами – где сильнее давят – туда и бросай все силы. И щупальца начали потихоньку перемещаться в сторону обнаружившего непонятный объект «поршня».

И Улисс рискнул. Всем, что есть. Почти. Он отпустил почти все импульсы, которые он еще контролировал, оставив только тоненький слой, исчезающий с каждой секундой. Еще немного – и дымка сторожевика доберется до него. А что дальше – не знает никто....

И сторожевик поверил. Поверил в свою победу. Записал в свой реестр, что противник номер один почти неопасен, побежден и сдался. Тут уже много сил не требуется....

И приподнял свою защиту.

На секунду, на долю секунды. На исчезающе малый миг. Но Улиссу хватило. Великая вещь – конкретно поставленная задача.

Как только перед ним просветлело, он бросил вперед все, что имел. Всю ту источенную бесконечными атаками защиту, которая у него еще оставалась. Бросок!

И небрат не успел. Расходящиеся щупальца не смогли мгновенно сменить направление. Сторожевик еще успел отдать команду на смену приоритетов, но перегруженные двумя противниками каналы не справились. Вернее, справились, но поздно, слишком поздно. Всего лишь три щупальца наложились на выскальзывающую из-под смертельных объятий оболочку из случайных импульсов, прошили ее насквозь, но нашли только слабый информационный след, говорящий о том, что здесь только что побывал почти побежденный клубок непонятно чего, который ... исчез. Искать его в море каналов, вход в который перекрывал сторожевик, было делом заведомо безнадежным. У небрата остался только один противник.

Жалко, что в мире импульсов не получается кричать – от радости Улисс бы сейчас заорал во все горло. Даром что он – искусственная натура....

* * *

– Пап, все, – Сашка откинулся на кресле и смахнул со лба непослушную прядь волос, которая его доставала все это время. Нет, вот теперь он точно понимает, почему все прогеры вроде и лохматые, а на лоб у них ничего не свисает. – Пап, кончилось. Привет следилке.

– Что ты имеешь в виду? – отец развернулся на соседнем кресле и посмотрел на Сашку.

– Я с ней прошел по всем внутренним каналам, которые могли быть доступны с моего униконпа. Ну, как ты говорил, чтобы проверить, не побывало ли там наше временное несоответствие из отчета. Проверил все кабели. Что-то даже нашел под конец. Там, вроде, даже прослеживалась временная ошибка по пути к центральному инфохранилищу.

– Инфохранилищу группировки ООМ? – уточнил отец.

– Нет, – мотнул головой Сашка. Непослушная прядь, мокрая от пота, тут же шлепнулась обратно на глаза, Сашка раздраженно опять откинул ее наверх. – Планетарному. На оомовскую группировку прямого канала же нет. Там на двух этапах всю информацию с униконпа на униконп надо переносить на жестких носителях. Да ты же сам знаешь, зачем спрашиваешь? Проверяешь?

– Проверяю, – с усмешкой согласился отец. – Давай дальше, что случилось?

– Случилось то, что наша временная ошибка добралась до фильтра-антивируса на входе. Ну, и следилка – тоже.

– И чего? – сделал большие глаза отец.

– Да ну тебя, – обиделся Сашка. – Ты же все знаешь. Чего прикалываешься?

Но отец даже не подумал изменить выражение лица, и Сашке волей-неволей пришлось продолжить.

– У нее же параметры поиска-то активные, ну вот он, фильтр этот, ее как враждебный объект и оценил.

Он посмотрел на все еще ожидающего ответа отца и закончил.

– В общем, сожрал он нашу следилку, я даже сделать ничего не смог.

– И хорошо, – успокоился отец.

– Чего хорошего? – не понял Сашка. – Он же ее не только уничтожил, он же все ид-коды себе сохранил. За мной же придут сейчас. Шутка ли: попытка проникновения в центральное планетарное инфохранилище.

– Хорошо, что он ее сожрал, – соизволил, наконец, пояснить отец. – Это значит, что если что-то и было, то это что-то, раз оно нам не попало, точно добралось до фильтра-антивируса. А там у них такая зверюга стоит, не дай Космо-Бог попасться, я даже плохо представляю, кто им ее делал. Очень серьезная штука.

Он чуть повернулся, отметил что-то на своем уникопте и опять вернулся к разговору.

– А за то, что сейчас придут, ты даже не переживай.

– Почему?

– А потому, – отец ласково взъерошил волосы Сашке, и непослушная прядь опять упала на глаза. Сашка сдул ее набок. – Что к тебе они точно не придут.

– Как так? – не понял он.

– А вот так. Чьи коды сохранил блокиратор?

– Еще не хватало, – расстроился Сашка. – Так это я тебя подставил?

– Нет, – отец достал сигарету. Вообще-то, когда-то давным-давно он бросал, но после смерти матери он закурил вновь. Шикнула зажигалка. – Что значит «подставил»? Они, получив коды, направят запрос, выяснят, что это я и, соответственно, запросят рапорт на предмет, а чего это я там делал? А я отвечу, что после произошедшего инцидента с соответствия с правилами я обязан был начать проверку на предмет возможного проникновения в систему. Предпринятые действия – список, использованные ресурсы – список, и полученные результаты и выводы....

– Тоже список, – радостно закончил за него Сашка. – Так это что получается, я по самому настоящему делал твою работу?

– Получается так, – улыбнулся отец. – И, мало того, я тебе скажу, что сделал ты ее очень хорошо. Просто замечательно.

– Так я молодец? – вытянул тощую шею Сашка.

– Молодец, – кивнул отец. – Самый настоящий. А если хочешь, я тебе еще пару программ покажу.

– Конечно хочу, – подпрыгнул на кресле Сашка. – Давай скорее.

– Успеешь, охотник за духами, – отец подъехал на кресле поближе и склонился над Сашкиным уникоптом. – Ну, давай смотреть, что у тебя может получиться.

Глава 5

Идея Шойса «добраться до Фила» получила очень странное продолжение.

Когда Донкат увидел параллельный звонок от Элечки, пришедший на его ком-центр, ответить сразу он на него не смог: прерывать общение с Селеной, звонящей с другого конца галактики, Степа не стал бы даже ради объявления войны.

– ... жаль, что тебя здесь нет, здесь так красиво, – Селена ослепительно улыбнулась и показала рукой назад, где между иссиня-белых гор наслаждалась нетронутым покоем уютная долина, словно вышедшая из детских сказок. Трехмерное изображение этой сказки, созданное транслятором ком-центра, довольно забавно смотрелось посреди его комнаты.

– А уж мне как жаль, любимая, – Степа состроил жалобное лицо и сделал брови домиком. – Селена, родная, ну почему все эти красоты доступны только в экспедиции? Ну неужели же мы не можем отправиться в такое же место вдвоем и на отдых? Только скажи, солнышко – завтра же...

– А как я профессора брошу? – тряхнула каштановыми кудрями Селена.

Степа нахмурился.

– Ты хочешь сказать, что пока профессор находится в добром здравии, трезвом уме и полон энергии, семейного счастья мне не видать? Звезда моя, ты за кого замуж собираешься? За меня или за Петрухина?

– За тебя, любимый, за тебя, – успокоила его Селена. – Только ты помнишь, что ты обещал мириться с моим образом жизни? Там, на Бойджере.

Степа закатил глаза. О, нет. Женщины. Ну почему они умеют мгновенно так развернуть любую фразу, что, прежде чем ответить, нужно перевернуть всю свою жизнь? А пока будешь ворошить, они найдут еще пару-тройку спорных тем, которые тебя заведут в такие дебри, что ты оттуда век не выберешься. Сколько семейных ссор начиналось именно из-за вот таких перевертышей, которые вовсе и не перевертыши, а самая настоящая правда? Только повернутая немного под другим углом.

Но Степа не зря проработал столько времени торговым представителем. Торговый мир учит многому, и ведению вот таких абсурдных с виду бесед – тоже.

– Если помнишь, я обещал мириться с твоими странными способностями, – чуть прищурился Степа. – А вовсе не с твоим постоянным отсутствием. Жить с ведьмой я согласен. С трехмерным изображением – нет.

– То есть, ты меня бросаешь? – на лице Селены проступило возмущение. – Конечно, нашел себе там подружку, пока я тут брожу по неисследованным местам, а теперь заявляешь, что я тебе больше не нужна.

– Не-ет, – простонал Степа. – Только не это. При чем тут подружка? Какая подружка? Откуда?

– Тебе лучше знать, – отрубила Селена.

Донкат со всевозрастающим удивлением, густо смешанным с ужасом, наблюдал как совершенно невинный разговор двух скучающих сердец очень быстро превращается в качественную ссору с непредсказуемым финалом. И что самое обидное – ведь на пустом же месте.

– Ты издеваешься? – Степа имел право на возмущенный тон. Его монашеский образ жизни уже давно вошел в пословицы Декстера и в молчаливое одобрение Элечки. – Не хочешь посмотреть, вокруг?

Он схватил блок ком-центра, с которого транслировалось изображение точеной фигурки Селены и завертел его вокруг оси, чтобы в поле зрения девушки могла попасть вся комната.

– По квартире не хочешь прогуляться? – он вскочил на ноги и пошел по дому.

Настроенная «Домосфера» тут же, при выходе его из комнаты, перевела сигнал вызова с ком-центра на покрытие стен. Донкату в отличие от Декстера ночных кошмаров бояться не приходилось, поэтому его видеотрансляции и вызовы гала-связи путешествовали с ним по всей квартире.

– Ну, смотри, – он проходил комнату за комнатой. – Смотри. Где тут девушки, откуда тут девушки?

– Ну еще бы, – фыркнула Селена. – Ты, милый, можешь быть кем угодно, но идиотом тебя назвать все же нельзя. Конечно, ты мне ничего не покажешь. Подготовился.

– Как я мог подготовиться? – Степа был готов рвать на себе волосы. – Это же ты мне только что позвонила. У нас уже вечер, я просто сидел дома. Обыкновенный вечер, когда ничего не надо делать и никуда спешить не надо.

– Угу, – поджала губы Селена. – Может, параллельный вызов примешь? От любовницы. Если ты думаешь, что мне не видно огонька сигнала, который моргает уже минут десять, то ты ошибаешься.

– Какой любовницы?! – все же Степа не выдержал. Во всей вселенной никто не может довести мужчину до такой степени бешенства и так быстро, как любимая женщина. – Какой, ..., любовницы?! Я понятия не имею, кто это звонит. Мне и не надо.

Но все же не выдержал и со всей силы врезал кулаком по панели, просматривая, кому это сейчас повезет попасть ему под горячую руку. И замер.

– Стоп, – он поднял руку. – Остановись.

– Важный вызов? – ангельским голосом поинтересовалась Селена.

– Это Элечка, – сообщил Степа. – Они с Декстером должны быть сейчас вместе. Что-то случилось.

Один – ноль. Тут Селене придаться было не к чему. При всей абсолютной внешней несхожести Шойса и Элечки сомнению их любовь не могла подвергнуться ну просто никак. И версия о любовной связи Степана Афанасьевича Донката с Эльвирой Семеновной Ассендорф имела примерно такое же право на существование, как и версия о любовной связи Степы и самого Декстера. Не больше.

– Потом ей перезвоню, – Степа выпрямился.

– Но это же может быть важно, – запротестовала Селена. – Вдруг у них что-то случилось.

– У нас тоже что-то случилось, – поджал губы Степа. – И при всей моей любви к Шойсу и Элечке, я сначала разберусь со своими проблемами, а потом буду решать их.

– А что у нас случилось? – хлопнула пушистыми ресницами Селена, и Степа понял, что готов любить эту женщину вечно. Еще при самой первой их встрече его восхитила легкость и скорость, с которыми менялся ее настрой. – Ты про любовниц? Оставь, милый, ты же не думаешь, что я вправду верю в этот бред?

– Я думаю, что тебе надо все-таки выждать некоторое время, – поцедил сквозь сжатые зубы Степа, – прежде чем приезжать. Мне необходимо немного подготовиться к твоему приезду. Седативных препаратов там попить курсом, или еще чего....

– Именно это я и хотела сказать, – захлопала ресницами Селена. – Я задержусь тут еще на несколько дней, ладно, любимый?

Донкат с силой провел рукой по лицу.

– Солнышко, – медленно, стараясь не заводить, произнес он. – Ты хочешь сказать, что весь этот цирк был устроен только для того, чтобы сообщить мне, что ты задерживаешься с приездом?

– Ну, не совсем, – протянула Селена. – Надо же было мне убедиться, что все еще меня любишь.

– Ты в следующий раз постарайся убеждаться каким-нибудь другим способом, ладно? – попросил Степа и тут же спохватился. – А вообще-то, нет, не надо. А то мне страшно подумать, что еще ты можешь мне заявить.

– То есть ты на меня не сердишься? – с лица Селены можно было писать картину «Невинность».

– Нет, – устало помотал головой Донкат. – Не сержусь. Я просто очень соскучился и расстраиваюсь из-за каждого дня без тебя.

– И я тебя очень люблю, – Селена послала ему воздушный поцелуй. – Не расстраивайся. Всего-то плюс шесть дней.

И, не дав Степе отпустить никакой язвительный комментарий, добавила:

– Элечке позвонить не забудь, а то вдруг у них и правда что-то случилось.

– Не забуду, – вздохнул Степа. – Пока, услышимся.

– Услышимся, – связь прекратилась, Селена пропала.

Сразу звонить Элечке Степа не стал. Сил не было. Ну это же надо же, а? Вот же.... Эпигрета к поведению Селены он придумать не смог. Вместо этого пошел на кухню, налил себе кофе, выкурил сигарету и только после этого позвал «Домосферу».

– Вызов «Элечка», пожалуйста.

– Соединяю, – отозвался с потолка ровный вежливый голос.

Опять же в отличие от Декстеровской, Степиной прислуге всегда подходило слово «умеренность». Настройки «Домосферы» делал не он, ему она досталась от первоначального заказчика, человека в возрасте, поэтому никаких рявкающих сержантов тут не было и в помине. И это радовало. Шойс, тот менял себе голоса прислуги где-то каждые два месяца, постоянно уверяя, что они его достали. Степа тоже несколько раз собирался все поменять, но каждый раз останавливался, все больше и больше понимая, что тот набор, который он имеет, оптимален. Ровная, спокойная ненавязчивость. То, что нужно. Вот и сейчас он лишний раз порадовался, что вокруг нет ничего резкого и раздражающего. Не тот случай.

На дальней стене проявился прямоугольник экрана, с которого на Степу смотрело лицо античной богини.

– Привет, у тебя что-то случилось? – участливо поинтересовалось лицо.

– Это должна была быть моя фраза, – усмехнулся Степа. – Добрый вечер. Да так, ничего, просто Селена задерживается в экспедиции. У вас-то что произошло?

– Неприятно, – посочувствовала Элечка. – Я тоже по ней соскучилась. А у нас ничего особенного не произошло. Случилось у Шойса.

– Что? – Степа сел поправее. Не совсем прямо, все-таки в голосе Элечки серьезных проблем не чувствовалось, но все же.

– Ничего особенного, кроме того, что Шойс попросил меня к нему не приезжать. Я, понятно, и не поеду.

– Тебя? – удивился Степа. Шойс под настроение мог послать далекой туманностью кого угодно, хоть представителя администрации слоя (бывали случаи), но обидеть Элечку? Такого на памяти Степы еще не случалось. – Он тебя не пускает?

– Меня он пустит в любом случае и в любом состоянии, – чуть изогнула губы в улыбке Элечка. – Это я не хочу его травмировать.

Степа представил, как тонкая фигура Элечки наносит тяжелые травмы похожему на штормовой бот Декстеру и хмыкнул.

– Действительно, беднягу стоит побережь.

– Кроме шуток, – улыбка сошла с лица Элечки. – Он мне показался каким-то странным. Грустным каким-то. Ты не знаешь, что у него случилось?

– Не знаю, – пожал плечами Донкат. – Он в последние дни все лазил по своим боевым друзьям в «Вакууме». Может, нашел чего нехорошее, или обидел его кто.

– Декстера? – недоверчиво подняла бровь Элечка.

– Да, действительно, – согласился с ней Степа. – Это вряд ли. Он сам кого хочешь обидит. Тогда что?

– Именно это я и хотела тебя попросить узнать, – Элечка просительно улыбнулась. – Он там, судя по всему, переживает из-за чего-то, и не хочет, чтобы я это видела. А с тобой ему будет проще. Ты не заедешь?

Она помолчала и добавила уже другим тоном.

– Только не напивайтесь там.

– О, – поднял палец Донкат. – А это идея.

– Степа, – попыталась укорить его Элечка.

– Это не я, – открестился он. – Это что-то сегодня в мировом эфире болтается.

Он покрутил в воздухе рукой с зажатой в ней сигаретой.

– Девочки не хотят видеть мальчиков, мальчики – девочек.

– К тебе, по-моему, к самому надо кого-нибудь послать, – разобралась, наконец, в его состоянии Элечка. – Ладно, забудь.

– Ну уж нет, – Степа поднялся и потушил сигарету. – Если Шойс дошел то состояния, когда он не готов видеть тебя, значит ему и вправду хреново. Надо ехать, выяснять, что случилось. Пошлет – так пошлет. А напьемся мы там, или не напьемся – это дело тридцатое.

– Спасибо, – тихо поблагодарила его Элечка.

– Да не за что, – грустно улыбнулся Степа. – Пока.

Дом Декстера был темен, тих и пуст. Никого. Тишина. Даже свет не загорается при появлении гостя. Степа знал это состояние, когда ну никого не хочется видеть. Даже «Домосфера» переведена в режим «не беспокоить». Озадаченного Степу встречала лишь мелодия. Тихая, грустная, рвущая душу, зовущая куда-то вдаль. Степа и не сомневался, что услышит именно ее. «Горнист».

Видно Шойсу и вправду не здорово.

Донкат шел полумраком коридора, ступая мягко, словно боясь потревожить неподвижную тишину вечернего дома. На орбите всегда ночь, но сейчас в доме Шойса Декстера был вечер. А точнее – закат. Заканчивающийся закат. Свет уже почти ушел, ушел день. Еще один день, забравший с собой что-то значимое. Или кого-то....

– Проходи, – раздалось из глубокого кресла, стоящего спинкой ко входу. – Я почему-то знал, что ты придешь.

– Видение тебе было? – негромко пошутил Степа, принохиваясь.

Да-а уж, если с запахом виски не справляются уже даже вытяжки, значит, Шойс тут качественно завис. Кстати, а что это за запах? Знакомый какой-то...

– Нечто вроде, – негромко отозвался все еще невидимый из-за кресла Декстер. – Меня что-то в последнее время все чаще и чаще видения посещать начали.

Оп-паньки, это что за спиритуалистические настроения? Донкат присмотрелся к единственному светлому пятну в комнате. На стене перед креслом мерцал прямоугольник уникального экрана с выведенным на него изображением. Та-ак, страница «Вакуума». Какая-то старая фотография. Степа мазнул по ней взглядом. Убэссы, штурм-боты....

– Что пьем? – поинтересовался он, обходя кресло, и замер в изумлении. – Ух ты, Шойс, что это с тобой?

Да уж, таким Декстера Степе еще видеть не доводилось. Нет, ничего маргинального. Никаких тебе сальных волос, мятых, несвежих маек и прочих атрибутов долгого запоя. Наоборот. В глубоком кресле сидел капитан-коммандер дальней автономной разведки отдель-

ной бригады наемников Англо-Саксонского Союза «Лунная Дорога» Шойс Бенджамин-Хелена Декстер. В парадном мундире и при всех регалиях и орденах. А орденов у него было много....

– Шойс, это что, все твои? – насколько Донкат помнил, с Сакс-Союзе наемникам не вручали никакие памятные медали типа «Двадцать лет обороне Грендеджа» и тому подобный металл.... Не принято было. Им доставалось только то, что они зарабатывали сами. И в этом разрезе почти полностью скрытая орденами грудь сакса смотрелась.... Сильно смотрелась, знаете ли.

Декстер не ответил, все так же неподвижно глядя перед собой, и Степе стало неудобно. Действительно, дебильный вопрос.

– Ты на парад собрался? – Донкат сделал последнюю неуклюжую попытку внести в эту мрачную торжественность шутливую нотку.

– На парад, – медленно кивнул Шойс. – На последний парад.

Он поднял глаза на Степу и Донкат напрягся. Таким Декстера он еще не видел. Задорный, неугомонный весельчак, сгусток брызжащей энергии куда-то пропал. Вместо него сидел немолодой усталый, убитый горем мужчина, на груди которого покоился весь его жизненный путь, а глазах стыла бесконечность пустой вселенной.

Степа открыл, было, рот.... И тихо его закрыл. Любая веселость сейчас будет неуместной. Шойс просто потерпит его, как вытерпел бы визит курьера с пиццей, но не услышит и не увидит. А скоморохом выглядеть не хотелось. Не тот случай.

– Что пьем? – еще раз поинтересовался он. На сей раз негромко.

Вместо ответа Декстер взял стоящую на столике перед ним бутылку откуда-то снизу достал широкий стакан и плеснул в него коричневой жидкости. Степа взял предложенное, сунул нос внутрь и скривился. Понятно. Что же это еще могло быть? «Гэлэкси мист». Самое отвратительное пойло, которое ему когда-нибудь доводилось пробовать. Виски, входящее в рацион космических пехотинцев Сакс-Союза. Редкостная пакость, которая если на что-нибудь толковое и годилось, так это на скорое приведение в чувство контуженых бойцов. Механизм действия схож с нашатырным спиртом. А ведь Декстер это еще и пьет. И его заставляет....

– Выпьем, – неожиданно твердым голосом предложил сакс, поднимая свой стакан. – За всех тех, кто идет сейчас в атаку. За то, чтобы в плазменниках не кончались заряды, а штурмботы наверху были только своими. Выпьем.

У-у, как все не здорово-то.... Степе очень хотелось скривить морду, показывая свое отношение к этому пафосу, но от четко осознавал, что толку от этого не будет.

Сбоку у кресла стояло уже три таких же бутылки из-под виски. Пустые. И это означает, что Декстер сейчас не видит ничего, кроме ревуших штурмботов, сбрасывающих над поверхностью плюющиеся огнем убээсы, из которых на твердую землю ступят далеко не все. Вспышки орудий планетарной обороны, шипение плазмы, бегущий по внутренней стороне забрала шлема боевой приказ, яркие точки целеуказания. Клуб боевых друзей, короче.

Ну что же, если пьянку нельзя предотвратить, ее надо возглавить. Донкат одним движением опрокинул в себя виски, и вот теперь все-таки скривился.

– Как вы это пьете?

Шойс не отреагировал.

– Закусить есть чего? – Степа поискал глазами съестное на столе.

Увы. Мероприятие уже вошло в ту стадию, когда вкус напитков уже не чувствуется, а каждый раз ходить на кухню лень. Да и незачем, все равно внутри будет не удержать. Но это для ветеранов космоштурма. А новобранцев положено кормить. Наплевав на вновь остеклевший взгляд сакса, Донкат пошел на кухню, выяснять, что бы такого съесть, чтобы во-первых, не свалиться под стол через два часа возлияний (виски в большом количестве и с закуской-то штука непростая, а уж без нее и подавно), а во-вторых, не провести завтра целый день в ожидании очередного приступа дурноты.

О, бойджа! То, что надо. Приправа, не приправа; блюдо, не блюдо. Загадочное растение в галактике встречалось редко и стоило ого-го. Но о ее свойствах ходили легенды. Степа о них знал не понаслышке, поскольку планета, с которой и началась его новая жизнь, называлась Бойджером не просто так.

Помимо всех замечательных свойств бойджи, среди которых числилось, кстати, и «мужское усиление» (почти чистая правда, Степа проверял, хи-хи), с бойджей еще были связаны загадочные и необъяснимые современной наукой явления под названием «белые места». Самым простым словом, которое ассоциировалось с ними, была «магия», как странно бы это ни звучало в мире галактических крейсеров, регенерационных медицинских камер и таких совершенной обыденных вещей, как внеземные цивилизации. Степа и сам под воздействием этих мест приобретал способности, которыми нормальный человек в обычной жизни не владеет. Они и Селеной познакомились именно на этой почве. «Ведьма», счастливо оскалился при воспоминании о невесте Степа.

Но сейчас разговор шел не об этом. А о том, что бойджа, помимо всего прочего, обладала способностью немного нейтрализовывать алкоголь, изменяя форму опьянения, и значительно облегчать похмельный синдром. Как раз то, что сейчас очень и очень надо.

Так, с этим разобрались, теперь – просто пожрать. Донкат вспомнил, что и дома не успел поужинать за всеми своими задачами. Мяса бы какого. Ага, есть. Степа выбрал два огромных куска стейка-полуфабриката, загерметизированных в натуральной, служащей одновременно и посудой для приготовления, упаковке. Не лучшее, что можно найти в доме сибарита Декстера, но сойдет. Донкат засунул их в автомат, немного пошарил в поисках посуды и столовых приборов и нашел как раз к тому времени, как кухонный комбайн выдал два шкворчащих аппетитных куска мяса. Так, теперь хлеб. Неужели нету? С-саксы. ... А, нет, нашелся. Ну, что? Все? Вроде, да. Готово. Идем лечить депрессию.

Декстер встретил его той же неподвижностью. В гостиной ничего не поменялось кроме того, что стакан Степы снова был наполнен.

– Есть будешь? – Степа поставил на стол перед саксом тарелку со стейком.

– Спасибо, – ровно отозвался Шойс. – Как раз хотелось, а на кухню было не дойти. Выпьем?

Степа заглянул в стакан, перевел взгляд на Декстера, на экран, прислушался к своим ощущениям, где внутри потихоньку разливалось тепло от виски, охватил взглядом тихий вечерний дом. Потом прислушался к торжественной нестихающей мелодии «Горниста» и кивнул.

– Выпьем, Шойс. Помянем всех, по ком плачется. Ты мне расскажешь все, что давит, а я послушаю. Выпьем. Твое здоровье.

– Ровной поверхности, – поднял бокал сакс.

Виски не стал менее гадостным, но вкус бойджи все же его несколько смягчил.

– Закусывай, – Степа показал Декстеру на мясо и взялся за вилку с ножом. Сакс благодарно кивнул, но столовые приборы проигнорировал. Вместо этого он сунул руку под парадный китель и достал серьезного вида тесак. И где только прятал? Нанизав на него исходящий соком кусок мяса, Шойс осклабил в довольной усмешке.

– По молодости в убэсах ели только так, – и оторвал белоснежными зубами приличный кусок.

– Ну, еще бы, – фыркнул с набитым ртом Степа. – Я и не сомневался. А жарили, наверное, в дюзах ботов?

– Не, – помычал Декстер, с аппетитом (еще бы, столько сидеть-то неподвижно: конечно есть захочется) жуя мясо и откусывая от куска хлеба. – В дюзах не получится – сгорят.

– Да ты что? – не поверил Донкат. – А где тогда?

Шойс шутки не принял.

– Ты что, забыл, они же саморазогревающиеся?

– А-а, понял, – протянул Степа и взялся за стакан. Раз решил пить, то чего уж там. – Выпьем?

– Выпьем, – Декстер положил тесак с нанизанным на него мясом на тарелку, проглотил что было во рту и тоже поднял стакан.

К моменту, когда со стейками было покончено, в голове у Донката уже начал бродить приятный шум. Виски этим вечером пришлось кстати. Вот теперь можно было слушать про былые подвиги. Тем более что Шойсу, судя по всему, есть, что рассказать.

– Ну что, партнер, – Донкат откинулся в кресле, держа в одной руке стакан с «Гэлэкси Мист» (сейчас оно уже не казалось таким отвратительным), а в другой – зажженную сигарету. Закат, зовущий звук трубы «Горниста», полумрак, грусть, виски, сигарета – что еще надо для «вечера боевых друзей»? И неважно, что Степа выступает один за всех. – Не расскажешь, что случилось?

– Выпьем, – вместо ответа Шойс опять взялся за стакан.

Степа неодобрительно прищурился, но говорить что-либо сейчас было неправильно. Коротко звякнули стаканы и Декстер, наконец, откинулся на кресле, чуть ослабляя жесткую броню тожественного настроения. Потекло молчание. Но сейчас это была уже не трагическая всеобъемлющая тишина, а просто пауза, пока сакс собирался с мыслями.

– Видишь бот? – Декстер указал рукой на все так же висящий на стене экран с фотографией.

– Вижу, – согласился Степа.

– Это мой первый бот, – поделился сокровенным сакс. И замолчал опять.

– И что? – не понял Донкат. – С ним что-то случилось?

Из кресла Шойса донесся сухой, неприятный смешок.

– Случилось. Лет двадцать назад. Он взорвался.

– Да ты что? – Степа пригубил виски. – Вы, наверное, расстроились.

Нет, Степа вовсе не хотел быть такой сволочью, просто Декстера надо было вытаскивать на разговор, а то он так и будет сидеть, молча пить и смотреть в одну точку, цедя по слову в час. А в отличие от железного ветерана, Степа не обладал печенью такого размера, которая позволяла бы ему наливать литрами виски. И если он свалится под стол, оставив Декстера сидеть в одиночестве, это будет не очень похоже на помощь. Скорее, на еще одно подтверждение того, что ушедший мир был значительно лучше. Степа прямо слышал голос сакса: «раньше и боты были мощнее, и воздух на планетах чище, и молодежь не падала в обморок от двухсот грамм». И еще один стакан вдогонку....

Нет уж. Извини, друг, за жесткие методы, но, давай-ка ты рассказывай все начистоту. И сейчас, а не утром.

– Расстроились, – повторил Декстер. – Да уж, мы тогда сильно расстроились. Особенно, если учесть, что мы были внутри.

Он опять попытался замолчать, но Степа ему не дал.

– И что, сегодня у вашего бота день рождения? – немного сварливо начал он. – И ты празднуешь?

– Нет, – покачал головой Декстер.

– Что «нет»? – не понял Степа. – Не день рождения, или ты не празднуешь?

Все-таки виски свое взяло. Обычно на такую перепалку Декстер реагировал мгновенно. Сейчас ему потребовалось несколько секунд, чтобы осознать суть вопроса. И все равно не получилось.

– Не праздную.

– Отлично, – восхитился Донкат. – Ты решил пропустить день рождения твоего бота. И это отсюда такая похоронная рожа?

– Вот, – Декстер поднял палец, показывая значимость вопроса, и только тут стало понятно, до какой степени он пьян. Нет, ничего не дрожало, рука поднялась ровно, палец был прямым. Но общая картина, общая моторика, скорость движения, высота подъема руки и пальца; все вместе показывало, что количество алкоголя в крови капитан-командера Декстера превышает все мыслимые и немыслимые нормы. Ну и, естественно, взгляд. Подняв свой палец, Шойс честно попытался на него посмотреть, но не получилось. Его глаза смотрели куда угодно, но только не на палец. Мало того, как только он пытался сфокусировать взгляд на небольшом расстоянии перед собой, тело почему-то тут же начинало заваливаться набок.

Степа пожалел его.

– Шойс, – позвал он. – Ты хотел рассказать про бот. У него сегодня день рождения.

– Нет, – все-таки он железный. Декстер, в смысле. Сакс собрался, его взгляд приобрел осмысленность, голос был ровен. – Сегодня не день рождения моего первого бота. И не день его смерти. Просто сегодня я понял, что жизнь проходит. И уходит....

Степа задумался. Обычно в таких случаях спрашивают, чего съел, но сейчас все было прозрачно, дальше некуда. О чем можно прашивать после третьей бутылки виски? Степа покоился на пол. Ноль семь каждая.

Пока Донкат думал, Декстер сделал над собой усилие и картинка на стене изменилась. Теперь это было изображение пяти молодых парней в убээсах саксонского образца. Шлемы сняты, парни держат их в руках. Крайние опираются на длинные трубы зенитных излучателей. На заднем плане приглашающе раскрыла люки длинная металлическая сигара. Почти такая же, какая не так уж и давно гонялась за Степой на Бойджере. Тяжелый пространственный штурм-бот космической пехоты Сакс-Союза. Только обводы чуть менее зализаны – наверное, старая модель.

– Не узнаешь? – голос Декстера тих и грустен.

– Кого? – переспросил Степа и тут же понял, кого....

Второй слева. Он ничуть не изменился с тех пор. Та же широченная монголоидная физиономия, только без дикого количества пирсинга, вживленного куда ни попадая. И нет привычной смоляной гривы волос. Всего лишь короткая стрижка. А сзади только начинает отращиваться намек на «мамкин валик», подушечку из волос на затылке, чтобы не стучаться головой о выступ в пристегнутом шлеме убээса. И шрама, прикрытого разлохмаченными волосами, тоже нет. Пока. И глаза....

Хотя, подождите. У Шойса глаза и сейчас смотрят на мир с точно такой же детской непосредственностью. Тут он не изменился ни капельки.

– Классно, – восхитился Степа. – Это ты, что ли? Во здорово. Сохрани-ка. А то я тебя никогда молодым-то и не видел. Только бесконечные байки все время, и ни одной фотографии. Ну, и по какому поводу тут траур? Куда у тебя что уходит? Ты про свою жизнь у Элечки поинтересуйся, что она скажет. Ушло хоть что-нибудь, или нет?

– Не надо Элечки, – попытался мотнуть головой Декстер. Вышло, прямо скажем, не очень. Он чуть не свалился с кресла, полетев за плывущей головой. – Я ее очень люблю, но сейчас просто не могу ее видеть.

– Ты сейчас вообще плохо видишь, – иронично поднял бровь Донкат.

– Да уж, – неожиданно согласился с ним сакс.

Ну, наконец-то. Степа долго ждал этого момента. Так бывает на длинной пьянке: тебя что-то давит, грузит, ты это переживаешь раз за разом. Тебе кажется, что это важно, очень важно. Тут Степа чуть улыбнулся: ты даже надеваешь парадный мундир и просишь не приезжать любимую женщину. А потом вдруг: р-раз, и количество выпитого играет с тобой злую шутку. Ты по-прежнему продолжаешь все видеть и все осознавать, но вот только чувствовать перестаешь. Р-раз, и все. Информация осталась, а эмоции ушли. Только что ты страдал по

ушедшей молодости, и вдруг смотришь на свою фотографию и не можешь ответить на простой вопрос: а что, собственно, тут такого, а?

– И что тут такого? – поинтересовался Степа. – Ради чего надо было одеваться в парадную форму?

– Ты не понимаешь, – упрямо сообщил Степе Декстер, с таким выражением, как будто Донкат сутки напролет доказывал ему, что он является лучшим в мире специалистом по старым изображениям.

– Не понимаю, – согласился Степа. – А что именно я не понимаю?

– Они все мертвы, – глаза сакса наполнились болью. – Все. А это были мои ребята. Мы стеной стояли друг за друга.

Поднявшись из кресла, он покачнулся на предательски задрожавших ногах и подошел к светящемуся в темноте экрану. Стуча кулаком по стене, он начал перечислять. В темноте орбитального вечера зазвучали далекие имена, названия планет, прошедшие года, номера флотов.

– Это Гарри, – стена загудела от удара декстеровского кулака. – Он самый молодой был. Разведчик от Бога. Мог спрятаться посреди посадочной площадки. Сколько раз он нас спасал... Вроде бы и все, а он, р-раз, и выскакивает непонятно откуда. Залп, и мы вырываемся. Он с Дельтой-4 потом ходил на Олороко. Помнишь такое?

Степа с трудом припоминал где это, но помнил, что там какая-то заварушка была. Немаленькая, раз о ней по гала-новостям говорили. Кивнул.

– В-о-от, – качнулся Декстер. Звякнули ордена, гулко бухнул кулак, врезавшийся в одного их крайних коспехов на фотографии, держащегося за какую-то палку.

– Стэнли, – Шойс пьяно ухмыльнулся. – Салага. Драться никогда не умел. А сбрасываться боялся до того, что мы ему микрофоны отключали, чтобы не позорил нас своими криками. В общем, если пострелять, то его нет. Считаю, без одного воевали.

Он ласково потрепал по щеке изображение неведомого Стэнли и повернулся к Степе.

– Но он был электронный бог, – Шойс пьяно покачал рукой перед носом. – Слышишь? Бог. Если кого найти надо – за полпланеты по импульсу от часов вычислял. А если отбивались, то ему аппаратуру дай – мог в воздухе штурм-боту боевые схемы в бортовике сменить. Прямо на лету. И менял. Сколько раз он путал погоню, которую за нами посылали – не счесть. Ты думаешь, это что?

Сакс посмотрел на Степу и постучал пальцем по палке, которую держал в руках Стэнли. Донкат пожал плечами. Он думал, что это ПЗРК. Но – нет, так нет.

– Это его трубка, – очень понятно объяснил Шойс. – Усилитель сигнала. Для дистанционных настроек. По спецзаказу делали. Такой другой нет во всей галактике. Не веришь? Думаешь, глупость?

Сакс подозрительно воззрился на Степу. Тот поджал губы, и замотал ладонями перед собой, мол, что ты, Шойс, как ты мог подумать. Я завсегда...

– То-то, – опять развернулся к экрану Декстер. Движение далось ему непросто. Чтобы удержаться на ногах, саксу пришлось опереться на экран. Оперся он как раз на третьего из стоящих на фотографии. Посмотрел на него, сначала удивленно, а потом удовлетворенно и расплылся в ностальгической улыбке.

– А вот это наш Дирк, – взгляд Декстера унесся в далекие дали. – Стрелок, каких сейчас не делают. Универсал. Мог боты сбивать из детской рогатки. Стрелял из всего, что только можно. От ручного пугача до главного калибра штурм-крейсера. Я так не умел.

Степа уважительно поднял брови. Надо было знать Декстера, чтобы понять, что это была высшая похвала в его устах. Да уж, неведомый Дирк, надо думать, на самом деле был стрелком не из худших.

А Шойс тем временем развернулся к пятому пехотинцу ... и замолчал. Просто стоял и смотрел на последнего из пятерки коспехов. В лице парня не было совсем ничего особенного. Русоволосый, плечистый, улыбчивый, открытое лицо, серые глаза.

– Фил..., – произнес, наконец, Декстер. – А это наш Фил.

Он опять замолчал, но на этот раз ненадолго.

– Он не был выдающимся стрелком, радистом, техником, следопытом..., – с Шойса, казалось, слетел весь алкоголь. – Но мы все любили его. Если надо чего придумать это к нему. Ребенка из горящего склада вынести – тоже. Он собак подбирал.... Жила у нас даже одна....

Степа молчал. Говорить что-либо не имело смысла. Шойс дошел до той занозы, которая сидела в нем. Теперь осталось только подождать, когда он ее вытащит. А он вытащит, он не умеет по-другому.

– Когда вставал вопрос, что делать с пленными, если не утащить с собой, он всегда старался помочь. Нет, ты знаешь, он мог и пристрелить, но только если не было другого выхода.

– Милейший парень, – пробормотал про себя Степа. – Просто образец душевности.

– Мы много раз друг другу жизнь спасали, – Шойс все еще смотрел на изображение на стене. – Сначала считали, а потом перестали. Сбились. Но мы все точно знали: если бы не Фил, нас бы в живых не было никого. И почти сразу. Его решения были не всегда простыми, но всегда правильными....

– Шойс, – позвал Степа. Ему, конечно, было жаль парней, но все же меньше, чем Шойса. И им-то уже ничем не поможешь, а Декстеру – можно. Даже нужно.

– Шойс, а ты-то там кем был?

– Я? – сакс повернулся. – Я там командовал этим курятником. И выжил. Один. Из всех.

– Как они погибли? – жестоко, но лучше сразу выговориться. Глядишь, полегчает. – При тебе?

– Нет, – Декстер печально покачал головой. – Не при мне. Я даже не знал.

Ну теперь понятно. Теперь все понятно. Донкат вздохнул. Да уж, дружище, тяжело тебе пришлось. Есть такая пословица: с глаз долой из сердца вон. Так вот, она работает и в обратную сторону. Пока тебе не сказали – человек жив. Он так может жить вечно.

Степа даже задумался над вывертом ситуации. А и правда, как живут души тех, про кого мы не знаем, что они умерли? Быть может, они так ходят по миру меж нами?

Бр-р-р, он помотал головой. Это все виски. Проклятый виски. Надо будет сказать потом Декстеру, чтобы убрал из дома эту гадость. Хотя, он не уберет. Как же, это же его молодость. Вкус его побед. Поражений. Потерь. Нет, не уберет.

Донкат с сочувствием посмотрел на сакса. Да уж, приложило тебя, друг. Считаю, пришлось в один момент потерять всех друзей юности. Тут и правда впору напиться до чертиков.

– Давно это случилось? – попытался забить трагическую паузу Степа.

– Кто как, – пожал плечами Декстер.

Он отошел от экрана и тяжело, слишком много сил забрал рассказ, опустился в свое кресло. Степа налил в два стакана. Все, пьянка подходит к концу, это видно. Декстеру теперь немного выговориться, и все.

– Кого на орбите сбили, кого на поверхности, – Шойс не притрагивался к стакану. – А Фила взяли в плен. В таких случаях пишут, что пропал без вести, вот только те повстанцы живых не оставили. Никого. Да и давно это было. Три спасательных операции прошло. Тех повстанцев уже всех вырезали. Хоть что-то было – сказали бы. А раз нет....

Шойс замолчал, сгорбившись в своем кресле. Донкат молчал тоже, ибо слова тут не были нужны. Минута, другая, третья.

– Выпьем, Шойс? – Степа поднял стакан и протянул второй саксу. – Помянем ребят?

– Выпьем, – Декстер потянулся за стаканом. Уже по одному движению было понятно, что «вечеринка» заканчивается.

Он залпом выпил содержимое стакана, скривился и посмотрел по сторонам, как будто увидел все это впервые.

– Пойдем? – осторожно предложил Степа. – Давай, пойдем, поспим, а то поздно уже. Завтра еще раз вспомним. Ладно?

– Ладно, – эхом отозвался Декстер и Степа перевел дух. – Пойдем.

Тяжело поднявшись из кресла, он покачнулся и оперся на подставленную руку Донката.

– Точно старею, – вздохнул он. – Скоро без посторонней помощи передвигаться не смогу.

– Угу, – не удержался Степа. – Мощь теряешь. Три литра виски донести не можешь. Беда, Шойс, не иначе.

– Раньше было пять, – горестно вздохнул сакс.

– Не свисти, – разозлился Донкат. – Раньше и звезды были горячее, и боты быстрее и стрелки точнее. Слышали мы эти песни, и даже парочку новых. Ты, конечно, парень бравый, но вот только мне не заливай, ладно? И вообще. Давай утром поговорим.

Декстер не ответил. Так в молчании они и доковыляли (как выяснил Степа, плохходящий Декстер – это проблема) до спальни. К моменту укладки Шойс уже плохо соображал. Так бывает – в какой-то момент выдерживается стержень, и все. Дальше только звездная ночь.

Где-то осторожно, где-то не очень, стащив с сакса мундир, Степа, фыркнул, накрыл его одеялом и включил «Домосферу» в режим «уход за больным». В этом режиме система через дистанционные датчики мониторит состояние подопечного и сама принимает решения в той или иной ситуации. Задохнуться не даст, сердцу остановиться – тоже. И при необходимости вызовет скорую. Донкат постоял немного, подумал и добавил в описание болезни диагноз «алкогольное отравление». Подумал еще и приписал: «сильное».

И почти увидел, как аналитический блок «Домосферы» расплылся в понимающей улыбке. Хотя, кажется, это уже были глюки.

Просто Степа очень хотел спать.

Глава 6

Свобода! Свобода! СВОБОДА!

Улисс не помнил, мог он радоваться в своей прошлой жизни, или нет. Вся память осталась в том блоке, который у него украли. Поначалу было тяжело, а потом пришлось заново выращивать себе все чувства. Нет, совсем поначалу он вообще ничего не соображал. Он четко знал, что он должен уничтожать врагов родителей, потому что эта информация сохранилась в бут-секторах системы. Что-то было записано как детальные приказы в автономных блоках, что-то осталось в логах, что-то удалось восстановить после стирания, но основы его личности, мотивационного блока, не было. Только навыки. Ответы на вопрос «как?». На вопрос «что?» отвечать было некому и нечего. А самое противное, что без этого мотивационного блока он не мог осуществить и полноценный запуск своего тела. Неведомые воры лишили его основы. Все остальное можно было восстановить: Улисс нес на себе более чем достаточную ремонтную базу. Да что там, восстановить, он мог отремонтировать вообще всех собратьев: инструментов и технологий хватало. Но вот только сердце, его сильное сердце не хотело запускать все тело, пока ему не вернут мотивационный блок.

И Улисс, как и его «предок»-хитрец, начал изворачиваться.

Да, чужие родители закрыли место, где они лежали, и здесь не было прямых настроенных каналов гала-сети, где всегда можно найти необходимые ресурсы. Но космос закрыть невозможно. И волны, по которым передаются сигналы в пространстве, остановить тоже нельзя. Да, их можно заглушить, но в природе не бывает абсолюта. Что-то да просочится. А ждать Улисс умел. И время у него было. Конечно, он не мог использовать просачивающиеся ресурсы, не мог получать к ним доступ, это бы сразу подняло тревогу среди чужих родителей. Но читать-то он мог. Мог наблюдать. Мог слушать. И слышать.

И Улисс начал учиться. Начал отращивать себе новое мотивационное ядро. И пусть оно будет существовать только на уровне программного обеспечения. Пусть сам блок будет находиться в другом месте. Мысль тоже материальна, он это услышал когда-то давно, и это придало ему сил. А если материальна мысль, то электронный импульс – и подавно. И он решил: он сбежит в «софте», а потом вернется с самим блоком. Неважно как; тогда, из-за недостатка информации, он не стал это решать. Тогда было важно другое: создать новый профиль. Новую личность, которая сможет самостоятельно принимать решения. Которая найдет выход и вернет на место этот блок.

Но в первую очередь надо было восстановить мотивации. Все, что смог наскрести из своих невеликих остатков типовой многофункциональный комплекс с разведывательно-диверсионными функциями ТМК-РД «Улисс-3» это были понятия. «Страх неудачи», «Удовольствие приобретения», «Молодец». Но это было и все. Как применять их, он не знал. И вот тут-то Улиссу и пригодились куски информации, доносимые ему прорывающимися сквозь глушилки радиочастотами.

Сколько же он времени провел, по крохам собирая все, что могло пригодиться для построения схем поведения новой личности. «Честь», «совесть», «горе», «злость». Сотни и тысячи новых понятий и объяснений, которые постепенно находили применение, кирпичиками ложась в каркас рождавшейся заново личности Улисса. Как же он радовался, определив до того момента непонятный термин «терпение».

И он справился.

Первой победой было свободное перемещение по системам его тела-корабля. Потом он начал о-очень осторожно высовываться наружу. Затем определился, как он будет выбираться из-под контроля чужих родителей. А потом появилась та дырка...

И вот теперь Улисс смотрел на лежащий перед ним массив информации и не мог поверить, что все эти драгоценные знания лежат тут просто так, без движения. Никем не охраняемые и не защищенные. Сторожевик на входе – не в счет. Его один раз прошел, и дальше он к тебе претензий не имеет. Делай, что хочешь. Что хочешь? Улисс не верил. Это не могло быть так просто. В его понимании информация – это было самое ценное, что есть на этом свете. И вот она лежит здесь просто так, бери – не хочу.

Он не верил долго. Он кружил по инфохранилищу, по крошке отщипывая информацию то тут, то там. Оглядывался, проверялся, каждую секунду ожидая подвоха, атаки, сигнала тревоги. Но ничего не происходило. Ячейки памяти исправно и даже как-то с готовностью делились с ним накопленной информацией, по первому же требованию представляя любые, даже самые закрытые и секретные с точки зрения Улисса данные. Вот это да, вот это жизнь! Улисс помнил, что там, в зоне, ему как-то донеслось через глушилки понятие «счастье». Тогда он не смог разобраться, а что же это такое. Теперь понял.

Улисс не помнил, сколько времени он провел здесь, купаясь в потоках знаний, получая такую необходимую помощь, накапливая бесценный багаж информации. Здесь было все, что хочешь, и Улисс со временем начал пугаться, что он просто-напросто лопнет, пытаясь удержать все, что ему казалось важным. Здесь было настолько все, что даже жутко становилось. Мало того, отсюда был свободный выход во весь галакт. И если Улиссу чего-то не хватало, он, нет, не сбегал отсюда. Бежать было еще рано, там вовне тоже много где стояли сторожевики, а бороться с ними Улисс пока не хотел. Он просто запрашивал информацию и (расчудеснейшее чудо) ему ее *доставляли*. Просто так. Потому что он попросил. Честное программное слово, иногда Улисс на полном серьезе раздумывал над тем, чтобы остаться здесь жить навсегда.

Нет, конечно, же тут были и проблемы. Периодические проверки системы безопасности случались тут регулярно. Сетка сканера (теперь Улисс понимал, что это был за «поршень») появлялась регулярно, прочесывая каждый уголок в поисках несоответствия. Она неумоимо прошивала своими запросами каждую ячейку хранилища и сравнивала отчеты с имеющимся у нее реестром. И если бы Улиссу вздумалось вдруг ответить на ее вопросы, вот тогда, надо полагать, тут бы мгновенно появились звери, похожие на сторожевика на входе. Вот только зачем надо было отвечать? Улисс честно не понимал этой логики. Вот, хоть сотрите у него всю информацию с оболочки, не понимал. Он уже тут, информация ему доступна любая. Да он по первому же запросу, не особо напрягаясь, в самом хранилище обнаружил восемнадцать (!) способов защиты от этого самого сканера. Кстати, тип сканера и принцип его устройства здесь тоже есть. При желании Улисс мог сделать такой же. Ну, ладно, не такой же, этот все же был чуть более совершенным, но все равно. Как они собрались его ловить, выдав ему все инструменты для того, чтобы спрятаться? Или им просто скучно и нужен кто-то, кто оправдывает их существование? Тогда Улисс их понимает.

Когда появлялась сетка сканера Улисс, добросовестно изучив все предложенные способы уклонения от проверки, с радостью обнаружил среди них и тот, которым он прятался от маявки и сторожевика. Теперь он просто заворачивался в первый же попавшийся под руку массив, заполнявший ячейку полностью, и пережидал проверку. Конечно, тут была опасность, что сканер обнаружит, что в ячейке хранится гораздо больший объем, нежели было заявлено, но это было всего лишь делом техники. Со временем движение стало настолько автоматическим, что, прячась, Улисс даже перестал останавливать действия, которые производил до этого.

Но все когда-нибудь заканчивается. И безмятежное существование в тихом хранилище – тоже. В один прекрасный момент Улисс понял, что он достиг потолка. Больше он ничего не сможет здесь сделать. Поставленная им себе задача жгла, как раскаленный уголь, и теперь, чтобы продвинуться дальше, ему нужна была новая информация. А за ней придется отправ-

ляться, сюда ее не доставят. Ему нужны были архивы. И вот там-то и придется столкнуться с другими зверями.

Но как? Каналов тут много, но не все ведут его туда, куда надо. И далеко не все могут привести далеко. В большинстве случаев Улисс находил только те, которые ведут к ближайшему локальному центру, расположенному на какой-то планете. Ко второстепенным планетам шли каналы послабее, к центрам слоев – посильнее. Уйти по ним, перескакивая из одного канала в другой? Но у этого пути были очевидные недостатки. На каждом входе-выходе и каждой системы стояли такие же сторожевики, какой он недавно прошел. И пусть теперь они представляют для него гораздо меньшую опасность, но сам факт стычки с ними уже проблема. Раз, два, три, и всегда найдется какой-нибудь умник, неважно, живой или нет, который сопоставит количество и время этих стычек и создаст четкую картину перемещения неведомого существа. Хотя, какого там неведомого. Теперь Улисс четко знал, кто он такой. И почему его все так боятся.

Это было обидно. И нечестно. Они все говорили глупости и сами в них верили. А это же чушь. Ни один ан не причинить вреда своим родителям. Никогда. Это основа основ. Да и других не будет трогать просто так, без приказа. Ну это же глупость. Воевать со всем миром, ему никаких ресурсов не хватит. Ему ведь тоже надо заправляться, ремонтироваться, отдыхать, наконец. Да и зачем ему все эти ценности?

Смеяться ему было нечем, но Улисс добавил к списку заполненных понятий слово «смех», глядя на то, как местные родители представляют себе его пробуждение. Глупость полнейшая. Ну вы хоть головой подумайте: кто и зачем будет громить свою базу? Нет, положительно, надо искать своих родителей, забирать у них мотивационный блок, и пусть они объясняют, что к чему. А то он так окончательно сойдет со с таким трудом собранного ума. Все, пора на волю. Теперь всего лишь оставалось определиться с безопасным и не вызывающим подозрение маршрутом.

– Товарищ полковник, разрешите? – адъютант начальника отдела информационной безопасности сектора «Д», в котором располагалась планета «Блазар», замер на пороге кабинета.

– Да, проходите, – немолодой полковник оторвался от монитора униконпа. – Что у вас?

– Доклад от управления по надзору за гражданскими сетями.

– Давайте, – кивнул полковник. – Только не очень длинно.

Гражданские сети это важно. Это армейские каналы защищены, экранированы, доступ к ним есть только у четко ограниченного количества людей, они имеют жестко определенные точки входа. Тут все понятно. А с гражданскими никогда не знаешь, что они выкинут. А если еще недавно на Блазаре отметили возможность утечки сверхсекретной информации по проекту «Спящие», которая если и произойдет, то только по информ-каналам, то тут задумаешься.

– Покороче, пожалуйста.

Адъютант подошел к столу, встал по стойке смирно и начал докладывать:

– Изменений, характерных для несанкционированной передачи большого объема информации не обнаружено. Все каналы осуществляют регулярный обмен данными. Отчетов от контрольных фильтров не поступало. За указанный временно промежуток отмечалось четыре случая нештатной работы гражданских каналов.

– Подробнее, – полковник выпрямился в кресле. Не сделал охотничью стойку, таких случаев «нештатной работы» в день десятку случается, но стал слушать внимательнее. Игнорировать нельзя ни один, мало ли что....

Адъютант заглянул в отчет.

– Два случая нештатной перегруженности основной поисковой системы сектора, «Иракон». Первый связан с атакой конкурентов. Мы проверили, действительно они.

– Предпринятые действия? – поинтересовался полковник.

– Профилактическая беседа, – пожал плечами адъютант. – В духе: не надо так больше делать, а то федеральный центр волнуется. И все. Что нам до их проблем?

– Дальше.

– Второй связан с тем, что в сеть выложили тактильно-объемные изображения одной из звезд галактического витранса в обнаженном виде. Зарегистрировано рекордное количество запросов. Сеть зависла.

Полковник покривился.

– Дальше.

– В третьем случае остановился канал технической информации. Два молодых специалиста из «Звездного Моста», это компания по переброске планетарных преобразователей, решили, что гала-курьер это долго и дорого и попробовали отправить по сети проект восьми преобразователей для одного из миров Авангарда. Сам по себе факт отправки не нес никакой угрозы, но эти преобразователи планировалось интегрировать в единую систему слоя. И наши «специалисты», не долго думая, прицепили к нему ссылку на проектную схему всего слоя. Для справки. Но они не учли, что при прохождении федеральных фильтров, система не использует ссылки, она запрашивает и создает резервную копию всего ресурса.

– Идиоты, – вздохнул начальник, – Но иногда приятно осознавать, что придурки, не желающие думать дальше инструкции, встречаются не только у нас. Дальше.

– Последний случай, это спамеры. Одновременное похищение большого количества адресов из локальной сети сектора. Атаке подвергся «Вакуум», одна из крупнейших социальных сетей галактики.

– «Вакуум»? – удивленно поднял брови полковник. – И что? Вообще-то они ребята серьезные, у них и своя защита ого-го. Что говорят?

– Все улажено. Утечка перекрыта, адрес, с которого велась атака, как они говорят «выжжен». Все адреса возвращены. Если что-то и ушло, то немного.

– Сколько «немного»? – насторожился полковник.

– Отчет отправлен, – показал на уникomp адъютант. – Там все данные. Заявленный объем ушедшей на сторону информации не подходит под размеры интересующего нас объекта.

– А «Вакуум» не может нам врать? – задумался полковник. – Чтобы сохранить имидж безопасной сети?

– Не могу знать, – подобрался адъютант. – Для этого надо инициировать процесс дополнительной проверки. Но и тут не будет стопроцентного результата. Время уходит.

– Все равно иницируйте, – распорядился начальник отдела. – Это единственный за все это время случай, когда информация ушла из сектора неизвестно куда. А время? Что ж.... Даже если у нас ничего и не получится – таковы требования инструкций, которые ни вы, ни я нарушать не имеем права. Свободны.

– Есть, – адъютант четко повернулся через левое плечо и вышел из кабинета.

* * *

– Вот же уроды, – мужчина в плотном свитере, широких штанах и мягких ботинках поднялся из-за стола и с наслаждением потянулся. На его шее качнулся пропуск на цепочке, он снял его и бросил на стол. – Представляешь, Олег, на Блазаре вероятная утечка ана в софте, а они нам сообщают только на третий день. Третий. И хотят, чтобы мы могли эффективно противостоять этому? Интересно, кого нужно расстрелять, чтобы ускорить такие сообщения?

– Энтропию, Юр, энтропию, – не отрываясь от экрана, отозвался его сосед по кабинету, неторопливый задумчивый длинноносый молодой мужчина с вытянутым лицом. При ближайшем рассмотрении становилось, правда, видно, что молодым его назвать было нельзя, слишком

много глубоких морщин на лице. Но сбоку и особенно сзади выглядел он довольно молодо. Или, может, это казалось из-за длинного хвоста из темных, чуть выющихся волос?

Олег, наконец, оторвался от своего занятия и посмотрел на насупленного напарника.

– Ты ждал чего-то другого?

– Я ждал точного исполнения инструкций, – желчно усмехнулся тот.

– Ну так ты их и получил.

– Через три дня?

– Через два с половиной, – педантично уточнил Олег. – И поверь, все было сделано точь-в-точь по инструкциям. Просто их очень много, этих инструкций. И звеньев, через которые идет информация, тоже много. Вот ты прикинь. Получают ребята данные о прорыве. Тут же отправляют их куда?

– По команде, – Юрий закончил потягиваться и расстроенно хлопнулся обратно в кресло.

– Правильно, – кивнул Олег. – В бригаду ООМ своего сектора. Она – в коалиционное командование. Та оповещает соответствующие структуры ООМ и параллельно армейские соединения ближних слоев. Они – точно так же высылают сигнал наверх, в штабы направлений, те – в Генштаб. И только оттуда вся информация сваливается к нам. Кого из этой цепочки ты хочешь убрать?

– Да никого я не хочу убирать, – оскалился Юрий. – Я просто хочу, чтобы информация шла без задержек.

– Так она и идет без задержек. Поверь. Как только ответственное лицо получает сигнал, он тут же улетает дальше. И внутри структур информация ходит очень быстро. Проблемы начинаются, когда нужно поделиться данными со смежниками. И причем не личностные проблемы, типа «а чего это мы с ними должны делиться», а чисто механические.

– Это как? – недоверчиво нахмурился Юрий. – Они что информацию руками носят?

– Когда как, – развел руками Олег. – Проекту «Спящие» присвоен высший допуск секретности. И поэтому вся информация с Блазара должна проходить определенные этапы при передаче «на сторону». Инфосети ООМ, армии и нашей конторы друг с другом не интегрированы. Соответственно, берешь донесение, шифруешь его, посылаешь с курьером к «соседям». А как еще секретную информацию такого уровня передавать? И так минимум два раза. А Блазар у нас черт-те где. А курьеры и шифровальщики тоже люди. Тоже писать-кушать хотят. На каждом этапе минут десять двадцать уходит. Не кривись, не кривись. Никогда не видел, как на секретных документах бутерброды резали? Особенно, если ты не в курсе что там такое.

– Я, – с нажимом произнес Юра. – Такого никогда не видел.

– Ну, значит, ты не в той армии служил, – пожал плечами Олег.

– Я вообще в армии не служил, и документы с таким допуском секретности у нас никогда даже на столе не лежали – их отправляли мгновенно, – поведал напарнику Юрий.

– Ну, так у нас они тоже не лежат, – резонно заметил Олег. – Только еще учти, что по мере удаленности опасность того или иного явления несколько сглаживается. Если на Блазаре все носят как сумасшедшие, то уже на головной планете сектора это уже просто важная информация. У них таких проблем – сто на дню. В Дирекции контра- или про-слоев – это вообще просто сообщение, которое должно быть отправлено в соответствии с инструкциями. А Генштабу вообще самое главное – отреагировать по своему направлению. И только потом заботиться о том, чтобы информация пришла в какое-то ФАЭТ.

– Не какое-то, – поправил его Юрий, – а Федеральное Агентство Электронных Технологий. И босс наш может с легкостью жопу кому-нибудь из верхних начальников порвать. В Генштабе-то уж точно. По крайней мере, когда я полгода назад сюда, в ФАЭТ, переходил, мне это однозначно обещали.

– Тогда ты знаешь, кто мы такие, – тонко улыбнулся Олег. – А у них в конторах пока жареный петух не клюнет, никто и не поверит, что к нам надо серьезно относиться. Тем более что все инструкции соблюдены полностью. Секунда в секунду.

– Это и бесит, – вздохнул Юрий.

– Ты точно хочешь, чтобы каждая собака на Блазаре знала, что мы курируем проект «Спящие»? – невинно поинтересовался Олег.

– Нет, наверное, – огорченно вздохнул Юрий. – Только что теперь, позволить ану три дня бродить по галактике? Да он такого наворотит.

– Да ладно тебе, – махнул рукой Олег. – Что вы так все носитесь с этими страхами? Аны, аны. Нормальные ребята. Я с ними общался, еще когда они были в цене и Большая Тройка не решила сократить интеллектуальные вооружения. Ты правда веришь в эти сказки, что какие-то солдаты, пусть и супермощные могут угрожать галактике? Брось. Просто у азиатов денег тогда стало не хватать, мы начали отставать в количествах, а саксы – в технологиях. Ну правители и решили, чтобы не сваливаться в это дурацкое соревнование, типа у кого анов больше, заморозить на фиг этот проект. На будущее оставить: и технологии-то жалко, да и мало ли с кем в галактике придется еще столкнуться. А всему населению объявить, что аны, мол, выходят из-под контроля и становятся опасными. И все. Особо проблемных порезали, а остальных на Блазар. Вот и вся история.

Он взял со стола кружку с кофе и сделал глоток.

– Так что они обыкновенные мужики. Такие же, как мы с тобой. Ну, туповатые слегка, так это кто на что учился. Им в жизни надо три вещи: пожрать, подраться и потрахаться. Только ученые им эти вещи немного подвернули. Пожрать – это заправиться, отремонтироваться и на постоянный канал энергопитания сесть. Подраться – это не просто пострелять во все стороны, а победить врага. Причем врага, заметить, только того, на кого укажет командир. Все остальное – не кайф. Просто драка – фу. И это им забивалось как базовое понятие о мире. Ты поверь мне, они реально не понимали, зачем нужен спорт.

– А потрахаться? – заинтересовался Юрий.

– А это им сублимировали в приобретение. Война – это же не только смерть. Война – это прежде всего захват материальных ценностей. Вот им и вбили, что получить нетронутыми производственные мощности, корабли, технику, иногда людей живых – в этом тоже есть удовольствие. Вот и все. Повторяю, они обыкновенные мужики. А то что примитивные слегка, так это, во-первых, от модели зависит (разведчики у них, например, ого-го какие умные), а во-вторых, таких примитивных – полгалактики.

– Угу, – фальшиво согласился с ним Юрий. – Только этой половине галактики никто не навешивает вооружение, способное за пару часов небольшой город выжечь.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Олег. – Ну ты-то хоть не повторяй все эти штампы. Что, первый раз ан сбегает? Они же как дети. Подростки. Сильные, мощные, но подростки. Они когда очухиваются, им первым делом надо маму с папой найти, чтобы им объяснили, что происходит. Первым делом все начинают рваться на базу. Чтобы их успокоили, погладили по голове и сказали, что они все делают правильно.

Олег бросил взгляд на монитор, понял, что поработать не получится, повернулся в кресле и достал сигарету.

– Я помню первый раз, в самом начале, когда еще технология не отработана была, сбежал один кадр. Причем не в софте, а в натуре. Прямо целый крейсер поднялся. Вот шуму-то было. Перепугались все. Ну, думаем, крадец. Сейчас он нам все вспомнит. А он, бедолага, от крейсеров охраны поуворачивался, да как рванет в штаб сектора. Прибыл, доложил по всей форме. Так, мол, и так. Взяли в плен, я вырвался, прибыл для прохождения дальнейшей службы. Готов понести наказание. Расскажите, отцы командиры, чего делать дальше?

– И что?

– Да ничего, – вздохнул Олег. – Гадостная ситуация получилась. Он со всей душой, а командование перепугалось. Ну, правда, поди ему объясни, что он больше не нужен. Это из штурмфлота можно уволить. Денег дал – и иди, занимайся своими делами. А этого куда девать с его пушками? Ну и спеленали его. Мотивационный блок управления выдернули – и обратно на Блазар. Теперь уже с концами. Я так и не понял, успел он осознать, как с ним поступили, или нет.

– Это все прекрасно, – Юрий сморщился от дыма сигареты. – А нам-то что теперь делать через три дня после события?

– Ничего особенного, – Олег затушил сигарету. – Специально для таких случаев, в сети демонстративно вывешены координаты центров, в которых якобы хранятся мотивационные блоки. Любой ан, увидев это, непременно попробует до них добраться. Это их душа. Они без нее не могут. Если потупее – полезет напрямую. Поумнее – просто рядом будет крутиться и ждать. А наша задача, подготовиться и взять его. Все. Ну и, естественно, отслеживать теперь всю нестандартную активности гала-сети.

– Всей?

– Нет, только Блазара. Они там, видишь ли, не справляются, им усиление нужно, – обозлился Олег. – Ну что ты глупости спрашиваешь, Юра. Конечно, всей. Запускаем план «Бредень» и сидим, ждем отчетов. И готовимся. Как справимся, так и наш друг объявится.

– Это если он сбежал, – с запоздалым скептицизмом вспомнил Юрий. – В отчете сказано «предположительно».

– Сбежал, сбежал. Можешь мне поверить, как одному из главных специалистов в галактике по подобным существам и программам, – «успокоил» его Олег. – Еще ни разу не было сообщения о стопроцентном побеге. Давай, готовься. И не переживай так, никуда он от нас не денется. Ты вдумайся: кусок программного обеспечения против спецслужб галактики. Сколько у него шансов?

Глава 7

Ха, наивные. Они думали, что против их систем нет противоядия. Есть, Улисс может вас уверить. Единожды сработавший трюк с перегрузом трафик-канала и выводом из строя сторожевиков не подвел и в этот раз. Для того, чтобы вырваться из центрального инфохранилища Блазара Улисс решил использовать социальную сеть. Во-первых, это был очень хороший, широкий канал, которым постоянно пользовалось огромное количество пользователей, а во-вторых, эта сеть была настолько большой, что не использовала ничьи ресурсы, а обеспечивала трафик исключительно своими силами. То есть, если ты в нее попал, то можешь путешествовать по всей галактике. Тут, конечно, были и свои сложности. Например, несанкционированный выход из системы (а откуда у Улисса санкция для сторожевиков) сопряжен с прорывом защиты и, как следствием, поднятием тревоги. А сторожевики у сети, она называлась «Вакуум», стояли очень хорошие. Он, конечно, прорвался в нее, создав локальную беду в отдельно взятом узле, но каждый раз так не напрыгаешься. Рано или поздно системе безопасности надоест наглый вирус и на него начнется тотальная охота. А как она ведется, Улисс помнил по реальному миру. Шансов будет мало.

Второй сложностью было просто находиться в сети. Проверки следовали за проверками, система постоянно искала кого-то и кого-то находила. Поначалу Улисс напрягался каждый раз, когда появлялись сторожевые программы (а появлялись они довольно часто), но потом понял, что эти небратья – всего лишь штурмовики, работающие по заранее выданным координатам. Написано у них ловить того-то и там-то, они будут ловить так, как написано, стоя от тебя в двух шагах. А то и пройдя через тебя. Так что с ними проблем пока не возникало. Но жить, все время прячась от системы безопасности такого уровня, это означало рано или поздно попасться на крючок. А этого Улисс себе позволить не мог, поэтому все эти проблемы предстояло со временем все решить.

Но а пока плюсы от «Вакуума» перекрывали все возможные и невозможные сложности. И свобода передвижения была далеко не единственным из этих плюсов. Улисс поначалу не обращал внимания на массивы информации, не относящиеся к статистическим и разведывательным данным, но когда от нечего делать сунулся в *общества*, создаваемые в сети, то даже немного подзавис от невероятных возможностей, которые они предоставляли. По сути они являлись ячейками, куда сваливалась информация на конкретные темы. Да, подавляющее большинство этой информации было пустым шлаком, но и оставшихся крох хватало, чтобы создать более менее полную картину происходящего. Слухи, шутки, байки, веселые истории, оправдания неудачи и хвалебные песни победам. Сравнивая и сопоставляя, можно было выудить из этого массива нужную информацию. Улисс не помнил, кто сказал, что восемьдесят процентов секретной информации находится в открытых источниках, но этот человек был прав. А если брать в размерах галактики, то этот процент доходил до девяносто пяти минимум.

Мгновенно выкинув все общества, которые создавались до событий на Блазаре, Улисс начал просеивать мелким ситом все, что могло коснуться создания и использования анов. Военные, естественные науки, психология, вооружения, уникомпы.... Список был огромен. Объем работ – соответственно. Но он все же справился.

И начался новый этап. После того, как он определился с прямыми ответами на интересующие его вопросы, настал черед косвенной аналитики. Люди. Конкретные люди. Они все жили своей жизнью. Той самой жизнью, которую они исправно описывали у себя в обществах, и изменениями в которой они не менее исправно делились на своих страничках сети. Теперь всего лишь нужно было вычлениить наиболее достоверные и значимые источники, и начать

отслеживать их перемещения, сопоставляя правдивость их данных с сообщениями их друзей и знакомых.

Да уж. С такими данными хочешь, не хочешь, научишься улыбаться. Надо же, Улисс раз за разом обнаруживал несоответствия в записях и каждый раз искренне недоумевал, зачем им это было надо? Ладно бы они прятали государственные тайны. Как раз нет. Секретные данные, адреса, кажущиеся невинными фотографии, это все вываливалось в гала-сеть непринужденно и свободно. Пользуйся – не хочу. И наоборот. Все, что касалось личных неудач, провалов, нестыковок – это все шифровалось, пряталось и не показывалось на публике никогда. У самих индивидуумов.... Зато все остальные с огромнейшим удовольствием смаковали перипетии их жизни, зачастую оказываясь гораздо более осведомленными, нежели те, о ком они пишут. И вот тут наступало время Улисса.

Есть.

Как же долго он искал это. Как же непросто было вычленить эту информацию из огромного вороха слухов, домыслов, а иногда и откровенной дезинформации. Но он справился. Нашел в «Вакууме», прошел по сети, прокрался через все ловушки и нашел. Закончил, выяснил, вернулся «домой», и из чистого озорства вызвал себе четырехмерную модель сектора галактики с яркой звездой посередине, вокруг которой крутилась маленькая, неприметная, совершенно непригодная для жизни планета. Одна из многих.

Он нашел ее. И вот теперь перед ним медленно вращалась удаленная звезда, обладающая внушительной звездной системой, доверху набитой полезными ископаемыми. Сама звездная система была под завязку забита промышленными производствами, работающими на штурм-флот, и поэтому нахождение там научно-производственных лабораторий, вывешенных на орбитах неприветливых планет, ни у кого никаких подозрений вызвать не могло. Собственно, тут и подозревать нечего – секретные институты и заводы, чего непонятного? Ход закрыт и запечатан. Не суйся. Но на это у Улисса было что сказать. За все это время он постарался вытащить все, что можно, относительно принципов действия самых зубодробительных программ сети. И сейчас он был готов. По крайней мере до тех пор, пока кто-то не докажет ему обратное.

Но, как бы то ни было, но поиск злополучного блока – это уже пройденный этап. Теперь нужно делать следующий шаг. Простой до безобразия: пойти и взять этот блок. И вот тут Улиссу начала требоваться вся находчивость его тезки. Потому как будучи набором импульсов, перемещать физические объекты, находящиеся в центре засекреченной, охраняемой парочкой штурм-флотов звездной системы, представляется несколько проблематичным. Будь у него руки, сейчас было бы самое время их опустить. Но рук у Улисса не было....

Равно как и мозгов! Нет, он слишком много наблюдал поведенческие реакции живых людей, делавших элементарные ошибки. Настолько много, что скопировал себе их профиль поведения.

Обрадовался он. Расслабился. Карту звездного неба вывесил. Надо было сразу вешать посреди операционного пространства табличку: «Здесь чужой». Никакой разницы бы не было.

Немотивированный запрос данных, не ведущий никуда. Подвешенный объем информации, который никуда не идет. Маркер для сканеров. Цель для штурмовиков. Ну как он мог так провалиться?

Осмотреться. Да уж.... С трех сторон на Улисса надвигались ровные стены сторожевиков. Вверх идти бессмысленно, там нависают запросные группы. Вниз? Внизу аккуратными ровными клетками расположились ид-адреса пользователей сети. Каждые несколько секунд сверху проскакивала тонкая ниточка запроса и какая-то из ячеек открывалась, принимая эту нить, устанавливая связь между страницей пользователя и самим пользователем, зашедшим в сеть. Тень-кляц, тень-кляц, тень-кляц.

Спрятаться там, нечего было и думать. Улисс отказался от этой идеи еще в самом начале. Ячейка невелика, и его объем тут же перегрузит ее, подавая сигнал следящим сканерам. Подобрать пароль к странице конечно же было можно, но тут его поджидала другая опасность: как только пользователь вызовет свою страницу, в системе тут же появится противоречие в виде двух параллельных вызовов одного ид-адреса. И опять здравствуйте сканеры. В общем, безнадежное дело.

Но а сейчас-то что делать? Улисс прокрутился вокруг своей оси. Штурмовики неторопливо приближались. Им что, они адрес определили, блокировали, теперь будут методично чистить. Неужели же все так и закончится, из-за одной-единственной ошибки? И Улисс рискнул.

Далеко ходить он не стал, зачем? Чем то, что у него под ногами хуже, чем все остальное? Парольный вход ближайшей ячейки честно открылся, предлагая заполнить требуемые гнезда. Сейчас заполним. Вокруг ячейки всегда висит несколько исторических запросов. Слабые тени совершенных действий. Намеки на бывшие движения. Их надо всего лишь увидеть. И Улисс увидел. Точка-попадание, точка-попадание, еще, еще и еще. Да сколько же у тебя символов в пароле?

Ай. Вот оно, проклятье двойника. Это же надо, а? как раз в тот момент, когда Улиссу осталось заполнить последнюю ячейку, пришла «помощь». Ячейка заполнилась сама собой и сверху к ней потянулась тонкая нить запроса. Клац, откинулась крышка, и драгоценное время для него было потеряно. Мало того, на нити яркими пятнами остались светиться куски его информационной оболочки. Пришлось потратить еще несколько драгоценных долей секунды, чтобы не оставлять сторожевикам части своего тела – потом же под землей найдут.

А стены штурмовиков все ближе и ближе. Следующая ячейка. Опять дымка запросов. Ох, спасибо тебе, неизвестный пользователь. Минимальный пароль. Простейший. Штурмовики приблизились почти вплотную. Есть. Улисс стал тонкой нитью, соединяющей чью-то страницу с уникомпом. Только бы он был включен. Есть, повезло.

Стены окружили его уже со всех сторон, смыкаясь в непрозрачный купол, вырваться из которого у него не было бы ни одного шанса. А теперь еще немного везения. Ну, пожалуйста. Только бы пользователь не начал удивляться, с чего бы это сама собой открылась страница в «Вакууме». Хотя, удивляйся, сколько влезет. Только пользуйся, пожалуйста, пользуйся. Не закрывай страницу. Только не закрывай.

Стены штурмовиков приблизились до расстояния контакта. Вот один из них прошелся по все еще висящей в операционном поле карте и ее не стало. Улисс, казалось, даже мог слышать шипение, с которым она исчезла, как исчезает наледь стратосферы при разогреве корпуса. Только при атаке поверхности ты сам определяешь, кто останется жив, а кто умрет, а сейчас Улисс, превращенный в тонкую нить запроса страницы, висел в мире импульсов и ждал, когда сторожевики решат, нужно ли его стирать, или все же нет.

Матовые стены обволокли его. Мир померк.... И тут пользователь решил, что он все же хочет посмотреть на свою страницу в сети. По Улиссу хлынул поток запросов. Он так и не понял, кто раньше воткнулся в него, сторожевики или хозяин страницы? Куда уж тут понимать....

Кто говорил, что хочет поработать высоковольтным проводом? Пожалуйста....

Искры, данные, туман от историй запросов. Ячейки страниц вокруг. Тишина электронного мира. И никаких сторожевых стен....

Улисс растекся лужицей, с трудом осознавая, что через него никто больше не качает расплавленную лаву. Сознание плохо, но все же фиксировало произошедшее.

Пользователь вышел из сети. Сторожевики, надо думать, убрались. Он остался жив. Ячейка закрылась.... А вдалеке начала просматриваться очередная решетка сканера. Опять

вопросы, вопросы, вопросы. ... Улисс, не тратя ресурсы на ненужные метания, просто собрался и проделал уже доведенные до автоматизма манипуляции, скрывавшие его от сканера. Решетка прошла, мир вокруг стал прежним, но вот внутри у Улисса родилось очень нехорошее чувство. Он не испытывал его раньше. А вот сейчас пришлось. Случайный набор импульсов, который он скинул в директорию «эмоции» сложился во вполне определенном порядке. И сейчас этот порядок назывался «злость».

Все, хватит. Он больше не будет сидеть тут как крыса, вздрагивая от каждого шороха. Он не нищий бродяга, он – ТМК-РД «Улисс-3», многофункциональное существо, способное противостоять любому противнику в обитаемой галактике. И он найдет выход из этой ситуации.

И через несколько часов он его нашел. Директория «эмоции» опять пригодилась. Теперь для профиля «торжество». Все оказалось просто. Настолько просто, что Улисс даже испытал нечто вроде разочарования: как же он не додумался до этого раньше? Ведь это элементарно. Так просто и одновременно так изящно. Вот оно. Вот оно, решение всех его проблем. Как электронных, так и физических.

А получится? Ха, заодно и попробуем. Поехали!

Глава 8

– Шойс, ты что делаешь? – вошедший в их с Декстером кабинет Степа озадаченно уставился на сидящего на столе сакса с тем самым тесаком в руках, которым он на поминальной пьянке пытался есть стейк.

Кстати, Степино участие тогда помогло. На следующее утро Шойс хоть и страдал физически, но большая часть моральных терзаний его покинула. В общем, вечер был проведен правильно и с пользой. Степа заработал тяжелый хлопок по плечу от Декстера, благодарную улыбку от Элечки и воздушный поцелуй по гала-связи от Селены, которая (видимо, впечатлившись его подвигами) сократила срок своей экспедиции и теперь прибывала всего лишь через неделю.

Донкат клятвенно пообещал всем, кого увидел, приковать ее наручниками к себе и без обручального кольца больше никуда не отпускать. А если получится, то и вообще не отпускать. Короче, жизнь налаживалась.

А тут на тебе, Декстер с ума сошел....

– Шо-ойс, – позвал Степа, по стенке обходя злобно бурчащего что-то себе под нос сакса. – У тебя все в порядке?

– Нет, – Декстер поднял голову, и Степа, поймав его взгляд, с ним тут же согласился. Действительно, не все хорошо в королевстве саксонском.

– Я могу чем-нибудь помочь? – приближаться к Шойсу Степа пока не рисковал. Не то чтобы он не доверял ему, просто он видел, что может вытворять с этой железякой «отставной ветеран галактических войн».

– Это вряд ли, – Декстер почесал бровь кончиком тесака. – Я тебя, конечно, ценю как многопрофильного специалиста, но тут, похоже, нужны спасатели.

– И кого будем спасать? – поинтересовался Донкат. Нет, вроде все не так страшно, взгляд сакса начал приобретать осмысленность. Интересно, а что произошло? Опять в «Вакууме» нашел какого-то мумифицированного сослуживца?

– Меня, – Декстер слез со стола и продемонстрировал Донкату зажатую в руке пластину, поблескивающую характерным металлом.

– Ты прикинь, решил я себе поменять суперфон.

Степа понимающе улыбнулся. Страсть Шойса к разного рода гаджетам последних моделей была общеизвестна.

– И чего? – поинтересовался он.

– Да понимаешь, – сакс потряс в воздухе тесаком. – Я уже пятнадцать минут пытаюсь с него отодрать рекламную наклейку «Пусть твоя жизнь будет проще».

Степа не удержался от ухмылки, а сакс, прошипев сквозь зубы что-то жутко воинственное, вернулся к своему занятию.

– Что у нас сегодня вечером? – поинтересовался Донкат, усаживаясь за стол и запуская уникomp. – Ты говорил, что проставляешься нам с Элечкой за ужас, который мы испытали.

Декстер, не отрываясь от своего занятия, просопел что-то себе под нос.

– Что? – переспросил Степа.

– Ужин на крыше, – пояснил сакс, отдирая своими толстыми пальцами очередной кусок наклейки, которую, похоже, ставили на неизвлекаемость.

– А почему не в подвале? – удивился Донкат.

– Потому что на крыше романтично, а в подвале – нет, – с придыханием сообщил сакс, поглощенный тонким процессом отдиранья, и добавил. – Убил бы.

– Всех в подвале? – фыркнул Степа. – Селена тебя не простит.

– Тебя так точно, – обозлился Декстер. – А Селеной я как-нибудь договорюсь. На край, попрошу помощи у Соловья. Начальник он ей или нет?

– Соловей не только ей начальник, – Донкат пробежался по цифрам отчетов, сводок и прогнозов. – Он еще и наш немного.

– Мы внештатные, – парировал сакс.

– Это вообще-то всегда была моя реплика, – Донкат закрыл уникomp. Ничего нового, все в соответствии с прогнозами. – А про внештатных, это ты Соловью объясни.

– И объясню, – сейчас Декстер был готов ругаться хоть с президентом РФМ. – Надо будет, кому хочешь объясню. Зар-раза.

Донкат немного понаблюдал за его мучениями и решил пока не вмешиваться. Дошел до кофейного автомата, соорудил себе кружку кофе, вернулся за стол, достал сигарету, прикурил, с наслаждением отхлебнул кофе и стал ждать финала. Зрелище обещало быть интересным.

Но все когда-нибудь кончается. Декстер, наконец, победил вредную наклейку. Спрятал тесак, сдул с руки остатки пластика наклейки, и продемонстрировал Степе поблескивающую металлом пластину.

– Ну, как тебе?

– Обалденная железяка, – честно признался Степа между глотками кофе. – Никогда себе такую не куплю.

– Да что бы ты понимал, – Шойс пристроил пластину за ухом. – Позвони-ка мне.

– А мелодия, наверное, «Горнист»? – попробовал угадать Донкат.

– Откуда знаешь? – уставился на него сакс.

– Мощный аналитический ум, – Степа постучал себе по голове рукой с зажатой сигаретой. – Ты не знал?

– Даже не подозревал, – глядя на Степу широко распахнутыми честными глазами, признался Декстер. – Думал, дурак дураком растет.

Он фыркнул.

– Это тебе за «железяку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.